AYLIK MECMUA

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ŞİMALÎ KAFKASYA
СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ

LE CAUCASE DU NORD

NORTH CAUCASIA

№ 27

temmuz — 1936 — июль

№ 27

İÇİNDEKİLER — СОДЕРЖАНИЕ

KALEM HAKKI VERİLMEZ
EL YAZILARI İADE EDİLMEZ

ГОНОРАР НЕ ПЛАТИТСЯ
РУКОПИСИ НЕ ВОЗВРАЩАЮТСЯ

„ŞİMALÎ KAFKASYA"
MECMUASININ ABONE ŞARTI:

	6 aylık	1 yıl
Avrupanın her memleketinde . . .	0,75 dol.	1,5 dol.
Yakın ve Uzak Şarkta, Afrika ve Amerikada.	1 dol.	2 dol.

Tek nushası 3 fransiz frankı.

Abone hakları mecmua müdürünün aşağiki adresine gönderilmelidir: Odyńca 35 Warszawa 12, Pologne.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА ЗА ЖУРНАЛ
„СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ" СОСТАВЛЯЕТ:

	на 6 мес	на год.
Во всех странах Европы	0,75 долл.	1,5 долл.
В странах Ближнего и Дальнего Востока, Америки и Африки . . .	1 долл.	2 долл

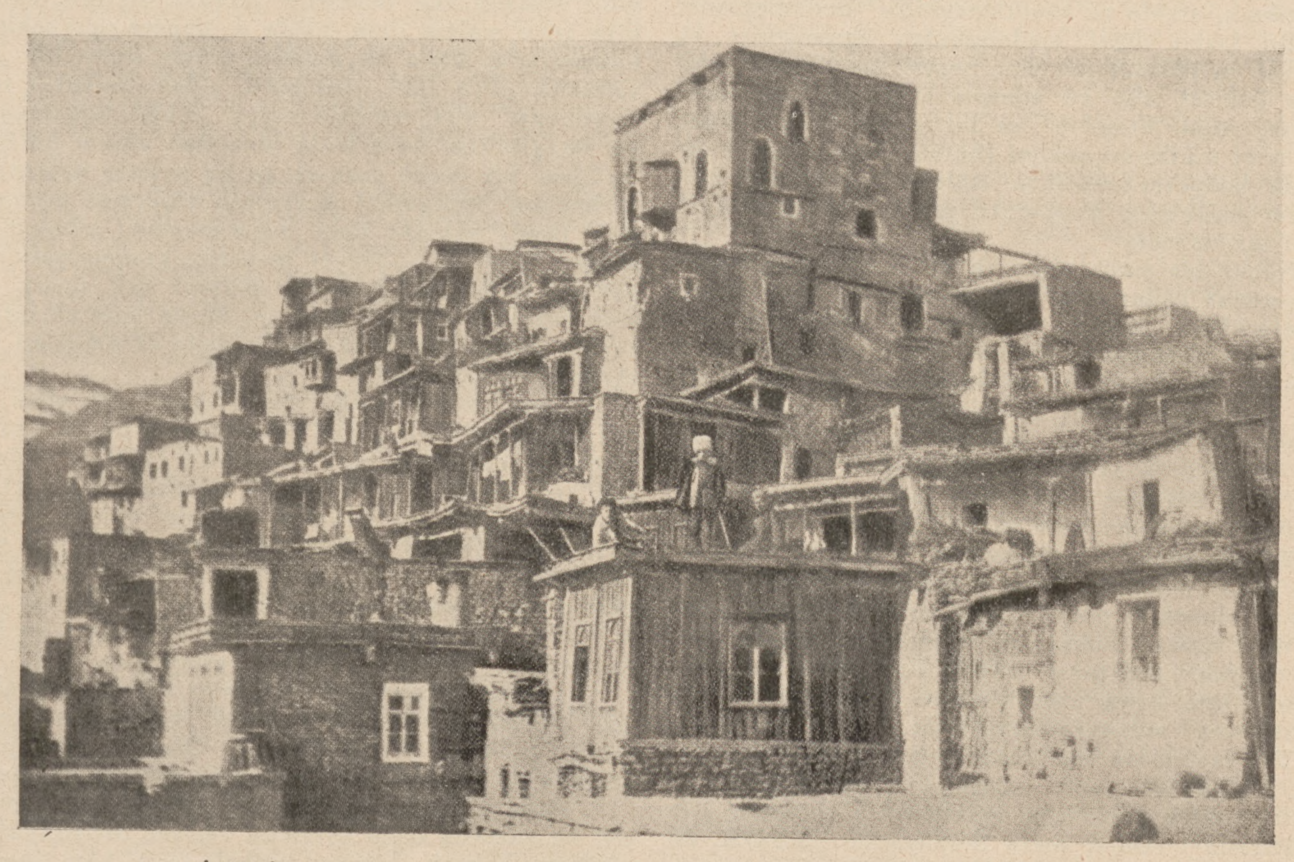
Цена отдельного номера 3 фр. фр.

Подписную плату следует посылать по адресу редактора журнала: Odyńca 35 Warszawa 12, Pologne.

ŞİMALÎ ◆ KAFKASYA
СЕВЕРНЫЙ ◆ КАВКАЗ

LE CAUCASE DU NORD | ОРГАН НАРОДНОЙ ПАРТИИ ГОРЦЕВ КАВКАЗА | NORTH CAUCASIA

№ 27 TEMMUZ — 1936 — ИЮЛЬ № 27



ŞİMALİ KAFKASYA'DA KUYUMÇULUK MERKEZİ — KUBAÇİ AULU.
АУЛ КУБАЧИ — ЦЕНТР ЗЛАТОКУЗНЕЧНОГО ДЕЛА НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ.

Ömer Oğuz

Yeni Sovyet konistitusyonu

Yeni Sovyet konistitusyonu'nun projesi, Sovyetler İttihadı Merkezi İcra komitesi idare heyetinin 11 Haziran tarihli toplantısında tasvib edildi. Gene ayni toplantı, projenin „bütün halkın müzakeresine" verilmesini ve bu projenin temamen tasdiki için umum ittihad sovyetler kongrasının davetini kararlaştırmıştı.

Yeni konistitusyon, anlaşılan Sovyet rejiminin daha 1935 in Son kânun'unda toplanan VII ci sovyet ler kongrasında oldukca mübhem bir şekilde tebşir edilen „demokratlaşmasını" ifadeye yarıyacaktır.

„Tarihî karar" dan bir gün sonra neşredilen proje, 13 fasilden ibarettır. „İctimaî kuruluş" adını taşıyan birinci fasılda rejimin ictimaî „kazançları" yer bulmuştur. Proje müellifleri, her şeyden evvel, sovyet devletinin „amele—köylü" evsafını taşıdığı hayalini burada da öne sürmek istemişlerdir. Konistitusyon'un birinci faslında „Sovyet sosyalist cumhuriyetlerinin ittihadı, amele ve köylü devletidir" denilmektedir.

Bu faslın diger madelerinden ögreniyoruz ki, „S.S.S.R. in iktisadî temelini, sosyalistik iktisad sistemi ve istihsal alât ve edevatı üzerinde sosyalistik mülkiyet teşkil etmekte" ve bu sosyalistik mülkiyet, „ya devlet mülkiyeti şeklini (bütün ehalinin malı) yahud da kooperatif—kolhoz mülkiyeti (ayrı ayrı kolhozların mülkiyeti, kooperatif birliklerinin mülkiyeti) şeklini taşımaktadır.

Küçük bir parça erazi ve bu erazi üzerinde kendine yetecek kadar ekin v. s. ile meşgul olmak hakkı istisna edilirse, „toprak, topragın altı, sular, ormanlar, imalathane, fabrikalar, kömür madenleri, alelumum madenler, demiryolu, su ve hava nakliyati, bankalar, rabıta vastaları, devlet tarafından teşkil edilmiş köy müesseseleri (sovhozlar, makine traktor istasyonları v. s.) ve şehir ve sanayi mıntakalarında esas mesken fondu" hep devletin mülkiyetine dahil bulunmaktadır.

Ayrı ayrı kolhozların erazisi „sonsuz olarak istifade için kalhozlara bırakılıyor". Köylü kütlesi arasında şahsi mülkiyet hissinin mevcud olduğu gözde tutulmuş olacak ki, proje, „ferdî ziraatle meşgul olanları" dahi resmen tanıyarak" başkasının emegini istismar etmeden sırf şahsî emekle ferdî ve el ile çalışan köylülere kendi mülkiyetinde küçük çiflik edine bileceklerine" müsaade etmektedir.

Bu faslın son maddesinde (12 ci) şöyle deniliyor: „S.S.S R. de emek, „çalşmayan yemez" prensipine dayanarak çalışmaga müstaid her vatandaş için bir vazifedir". Daha sonra deniliyorki: „S.S.S.R. de sosyalizmin: „her kesten kabiliyetine göre, her kese— emegine göre" den ibaret olan prensipi tahakkuk ettirilmektedir".

1923 de kabul edilen konistitusyonda yer bulmıyan birinci prensip, 1918 ci yılın konistitusyonundan alınmıştır. Bunun niçin alındığı bellidir. Bu işsizlikle başa çıkamıyan Avrupa memleketleri için bir „ihracat malı„dır. İkinci prensip ise dahilde tatbik için kabul edilmiştir: bu prensip binleri bulan maaşlara, ayrı ayrı „mutahassısların" mümtaz vaziyetlerine ve komünist fırkasını idare eden erkânın sıfatında yeni teşekkül eden „beyler" zümresine kanunu bir şekil vermektedir.

Bundan sonraki fasıllar, VIII ci ye kadar temamen devlet kuruluşuna ve idare mes'elelerine hasredilmiştir. IX ci fasılda mahkemelerin teşkilinden ve müddei umumilikten bahsedilmektedir. Bu mes'elelerde temamen merkeziyetcilik zihniyeti hâkimdir.

Bu zihniyet — mantıksız görünmesine rağmen— hatta yeni konistitusyon'un ikinci fasıl 13—ci maddesinde yer bulan „ittihad cumhuriyetleri„nin sayısını 7 den 11 e iblağ etmek kararında dahi kendini göstermektedir.

Bu madde, Maverayi Kafkasya federasyonunu ilğa etmek ve federasyona dahil memleketleri Azerbaycan, Ermenistan ve Gürcüstan olmak üzre ayrı ayrı „müsavî cumhuriyetlere" ayırmakla beraber, şimdiye kadar „muhtar cumhuriyet" olan Kazak ve Kırğızıstanı*) „müsavî cumhuriyetler" safına yükseltiyor.

Hiç şüphesiz bu kararın arkasında „Lenin—Stalin millî siyaseti„nce defalerle tecrübe edilmiş, eski ve bize iyice malûm olan divide et impera şiarı saklı bulunmaktadır. Daha bir müddet evvele kadar bir „muvaffakıyet„diye ileri sürdükleri „Mav. Kafkasya federasyonunu" ilğa etmekle sovyet erkânı temamen reyel ve gittikce daha fazla hisedilen umum Kafkasya birliğine bir darbe vurmak ve bu suretle Kafkasyada anilmerkez temayülleri kuvvetten düşürmek istiyorlardır. İkinci vak'ada dahi buna mümasil zihniyet hâkimdir. Burada, „Sovyet sosyalist cumhuriyetlerinin gönüllü birliginde" yalancı — müsavî hak siperi, ayni türk kavmine mensub halkı iki kısma bölerek biri birinden olduğu gibi Türküstan'ın diger eksamından dahi ayırmağa yaramalıdır.

Tabiî, müstakıl bir devleti karakterize eden tekmil müstesna haklar, yeni konistitusyon'da da „sovyet sosyalist cumhuriyetleri ittihadının yüksek müessesesi" ne verilmiştir. Bu yüksek müessesede biri ittihad Sovyeti, digeri de milletler Sovyeti olmak üzre iki „kamaralı" Yüksek Sovyet den ibaret dir. 17-ci madde, ittihada dahil her cumhuriyete „S.S.S.R. den serbest olarak çıkmak hakkını" bahşediyorsa da, bu „hakkı" kimsenin ciddi olarak telakkı edecegine ve buna ehemmiyet verecegine ihtimal vermiyoruz.

Yüksek Sovyete şu müesseseler tâbidir: intihab ettiği Yüksek Sovyet idare heyeti ve bunun „teşkil" etttiği S S S.R. halk komiserler Sovyeti, ayni suretle ittihada dahil cumhuriyetlerin halk komiserler Sovyeti.

Rusdan olmıyan milletlere, rus milletine nisbeten ilk nazarda daha üstün bir vaziyet bahşediyor gibi görünen Yüksek Sovyete intihab tarzı, bâzı illuzyonlar doğura bilir.

35-ci madde mucibince, İttihad Sovyeti şu norm üzerine seçilecektir: her 300 bin ehaliden bir mümessil Milletler Sovyetine ise, müttehid ve muhtar cumhuriyetler Yüksek Sovyetinin ve muhtar eyaletlerin „emekci mümessiller Sovyetleri"nin delekeleri girecek-

---

*) Bir muddet evvelisine kadar „Kazak„iken, kazaklık ihya edildikten sonra „Kazah" adını almıştır. Projede bir çok ,muhtar eyaletler" dahi „muhtar cumhuriyetler" safına yükseltilmiştir. Bilhassa Şimalî Kafkasya'da (Dağıstandan başka) Çeçen —İnguşistan, Şimalî Osetiya ve Kabarda—Balkar ,muhtar cumhuriyetler" sırasına girecektir.

lerdir. Bu delekeler de şu hesabla tayin edileceklerdir: her müttehid cumhuriyetten 10, her muhtar cumhuriyetten 5 ve her muhtar eyaletten de 2 deleke.

Bu kaideden hareketle, S.S.S.R. deki milletlerin terkibini ve müttehid ve muhtar eyaletlerin sayısını gözde tutarak denile bilirki, ileride Yüksek Sovyette, bilhassa milletler Sovyetinde, ruslar azlıkta kala bilirler.

Fakat bu ihtimal, konistitusyon metninin „ustaca” yazılışından doğan ve ancak „göze aid“ bir ihtimaldır. Tecrübede ise bu katiyen varid olamaz, çünkü, Yüksek Sovyete (ve alelumum seçgilere) intihab esnasında, seçgi sistemi millî cumhuriyet ve eyalet lerdeki yerli ehalinin iradesini kendi hudutları dahilinde bulunan ve idare başında olan rus azlığının ira desine tâbi kılmıştır.

Konistitusyon'un, mümessillerin namzetlik mes'elesine taalük eden 141-ci maddesi, bu ciheti pek alâ tasrih etmektedir. Bu maddeye göre, namzed vaz'etmek hakkı ancak: komünist fırka teşkilatlarına, profesyonal ittifaklara, kooperatiflere. gençlik teşkilatlarına (yâni komsomol) ve „medeni cemiyet„lere — yani, hatta sovyet menbalerine göre – rus olmıyan mıntakalarda bütün bu teşkilatlar „millî“ adını taşıyorsa da— değil yalnız idare edici mevkılerde, alelumûm umûmî kütlede rus elemanın hâkim olduğu teşkilatlara verilmiştir.

Aydın dir ki, namizedler listesinin bu sistemle tertibi, rus hakim milliyetciliği pozisyonlarını Yüksek Sovyetde hiçte bir tehlikeye maruz bırakmıyor, üstelik şu da varki, milletler Sovyeti'ne mümessil intihabi (İttihad Sovyetine intihabda olduğu gibi) umumî rey ile değil müttehid ve muhtar cumhuriyetler ve muhtar eyaletlerin „temsil hakkını haiz“ müeseselerin („Yüksek Sovyetler“ ve „Emekci mümessiller Sovyetleri“) „gösterişile” vuku buluyor.

Bu şarait içerisinde, S.S.S.R. in ilerideki Yüksek Sovyet teşekkülü, hiç şüphesiz, şimdiki „Şimalî Kafkasya ülkesi“ icra komitesi teşekkülüne benziyecektir. Malunı olduğu üzre, ülke ehalisinin yüzde 70 nisbeti rus olmıyan yerli ehali olduğu halde, buehalinin komitede hiç bir rolu olmıyan ve ancak ismen icra komitesine dahil bulunan hir kaç mümessili vardır.

Müttehid cumhuriyetlerin Yüksek Sovyeti, S.S. S.R. Yük. Sovyeti örnegine göre teşkil ediliyor. 59-ci maddeye göre, müttehid cumhuriyetin Yük. Sovyeti „cumhuriyetin yeğane teşriî müessesesi„dir S.S.S.R. Yüksek Sovyetine dahi ayni hak verilmiştir. Yalnız şu farkla ki, bu takdirde bu hak, tekmil S S,S.R. hudutlarına teşmil ediliyor. 32-ci madde de deniliyorki: „S S S R. in teşriî hakimiyeti ancak S.S S.R Yüksek Sovyeti tarafından tahakkuk ettiriliyor”.

Yeni konistitusyon mucibince. müttehid cumhuriyetlerin hukukî hayatının S.S.S R konistitusyonu'na muvafık tarzda tanzim edilecegi ve müttehid halk komiserliklerinin S.S.S R. halk komiserliklerine tâbi olmak mecburiyetinde oldukları, cumhuriyet bütcelerinin ise Moskva'da tasdik edileceği nazari dikkata alınırsa, açıkca anlaşılırki, müttehid cumhuriyetler Yüksek Sovyetinin teşriî rolu tatbik sahasında ancak, S.S.S.R. teşriî müesseseleri tarafından kabul edilen kanuna taaluk eden hususatı yeniden neşretmege munhasır kalacaktır.

Bundan başka, konistitusyon'un kendisi bile, müttehid cumhuriyetler Yüksek Sovyetinin salâhiyetine açıkca hudud çizmiştir. 60-ci maddeye göre bu müesseseler şunları yapa bilirler:

a) Cumhuriyetin konistitusyon'unu kabul etmek ve bunda S.S.S.R. konistitusyon'una muvafık tarzda tadilat yapmak.

b) Cumhuriyete dahil muhtar cumhuriyetlerin konistitusyon'unu tasdik ve bunların hudutlarını tayin etmek.

c) Cumhuriyetin halk— iktisad planını ve bütcesini tasdik etmek. İlave edelimki bu, bütceyi Moskva'nın tasdikına göndermek işinden halâsetmiyor (madde 14).

ç) Müttehid cumhuriyetlerin adlî müesseselerince mahkûm edilmiş vatandaşların cezasını hafifletmek ve afvî umumî hakkından istifade etmek. Fakat, S.S.S R. in her tarafında müddeiyi umûmilik makamlari „kendi vazifelerini her hangi bir mahellî mekama tâbî olmadan yapıyor ve ancak S.S.S.R. in müddeiyi umûmisine tâbi bulunuyorlar (madde 117).

Muhtar cumhuriyet ve eyaletlerin hakkı daha fazla tahdid edilmiştir. Bunlar bir yandan S.S.S.R. mekamları, öteyandan, dahil bulundukları müttehid cumhuriyet mekamları olmak üzre iki katlı bir mengene altında bulunmaktadırlar.

Muhtar cumhuriyetleri, muhtar eyaletlerden ayıran fark şuki, birinciler kendi konistitusyon'larına ve halk komisarlar sovyetine malik oldukları halde, ikinciler için bu varid degildir. Yani, 1923 konistitusyon'unda mevcud fark aynile muhafaza edilmiştir.

Merkeziyetcilik, hatta—diyelim - askerî zihniyet taşıyan yeni konustitusyon için, halk komiserliklerinin umûm ittihad ve ittihad—cumhuriyetlerine göre tasnif edilişi dahi karakteristik bir cihetdir.

Umûmittihada şu halk komiserlikleri dahildir: müdafaa, haricî işler, haricî ticaret, demir yolu, rabita, su nakliyati ve ağır sanayi. İttihad cumhuriyetlerine ise şu halk komiserlikleri verilmiştir: iaşe sanayii, hafif sanayi, orman sanayii ziraat. hububat ve maldarlık sovhozları, maliye, dahilî ticaret, dahilî işler, adliye ve sağlık işleri.

Birinciler — kendilerine verilmiş sahayi bütün S.S.S.R. hudutları dahilinde bilavasıta yahud tayin etmiş oldukları müesseseler vasıtasile idare ediyorlar”.

İkinciler ise — „müttehid cumhuriyetlerin ayni adı taşıyan halk komiserlikleri vasıtasile“ idare ediyorlar.

Haddî zatında birinci ile ikinci sistem arasında belli başlı bir fark yoktur. Çünkü, müttehid cumhuriyetler komiserlikleri esasen ittihad — cumhuriyetleri komiserliklerinin birer şubesinden başka bir şey degildir. Fakat ne de olsa dikkata şayandırki, sıkı merkeziyetcilik zihniyeti daha fazla askeri işle alakadar olan sahaleri ihate etmektedir. Bu cihet bir daha gösteriyorki, „zafer ve muvaffakıyetlere” rağmen, Moskva halâ kendi dilini konuşmıyan tab'elerine pek te itimad etmiyor.

Merkeziyetcilik zihniyeti, adlî mekamların teşkili işinde dahi kendini göstermektedir. S.S.S.R. hudutları dahilindeki tekmil adlî mekamlar, „S.S S.R. in yüksek adlî mekami olan” S.S.S.R. Yüksek mahkemesinin kontrolu altında bulunmaktadır. Cumhuriyet, ülke eyalet müddeiyî umumîleri olduğu gibi muh-

tar cumhuriyet ve eyalet müddeiyi umûmileri dahi 5 yıl müddetine olmak üzre S.S.S.R. müddeiyi umûmisi tarafından tayin ediliyor. İşaret ettiğimiz gibi müddeiyi umûmiligin „her hangi bir yerli mekama" tâbi olması müddeiyi umûmilik müessesesini S.S.S.R. de en fazla merkezleştirilmiş bir müessese haline getirmiş oluyor. Adlî mekamlar ve müddeiyi umûmilikler şimdiye kadar yerli hükûmetin idaresi altında bulunuyordu.

Yeni konistitusyon'un en fazla reklamcılığa boğulan kısmı „vatandaşın esas vazife ve haklarından" bahseden X-ci faslıdır. Bu faslın „ihracat" zihniyeti bilhassa göze çarpmaktadır. Bunun içindirki bu fasıl, Garbde „müttehid cephe" perestişkârları ve „ortodoks demokratizm" prensiplerini „muhafaza edenler" için sevinc menbai ve sovyet dostluğu demagojisi için bir vesile olmuştur.

Bu fasıl bolşevizme has bir reklam trükütür. Bu fasıl S.S.S.R. in ac ve çıplak vatandaşlarına neler vadetmiyor? Burada—emek, istirahat hakkı ihtiyarlıkta, hastalıkta, çalışma kabiliyetinin kaybolduğu hallerde maddî yardım, tahsil hakkı, kadınların müsavatı, nihayet vicdan hürriyeti ve serbest din aleydarlığı propagandası yanında dinî ayin ve merasimlerin serbestce yapılışı gibi her şey vardır.

Bundan başka bu fasıl, S.S.S.R. vatandaşlarına söz, matbuat, toplantı, mitink hürriyeti, sokakda serbestce nümayiş yapmak hakkı, ictimaî teşkilatlar halinde birleşmek hakkı profesyonal ittifaklar, kooperatif birlikleri, gençlik teşkilatı, spor ve müdafaa teşkilatları v. s.) ve hatta şahıs ve mesken masuniyetini dahi bahşetmektedir.

Bütün bu „hüriyetleri„ sıralıyan" sovyet demokratizm „perestişkârları şunu ilâve etmegi unutuyorlarki, yeni konistitusyon komünist fırkasının diktatorluğunu muhafaza etmekte ve her bir demokratik rejimin esası olan—kütlenin serbest siyasî faaliyet hakkını tanımamaktadır. Konistitusyona göre komünist fırkası eskide olduğu gibi „emekcilerin önde giden bir bölügü" ve „gerek ictimai ve gerekse devletî mahiyeti haiz bütün emekci teşkilatlarının idare edici bir mekamı" olarak kalmaktadır.

Bu suretle, fırka aparatı, yani başında hiç bir başka fırka grupu ve ideolojiye, ayni suretle fırkadan, asılı olmıyan içtimaî teşkilatlara tahammül etmiyerek idare rolunu ve kumanda mevkilerini kendi elinde muhafaza etmiş oluyor.

Tabiî dirki, bu vaziyetde sovyet vatandaşlarının mukadderatında hiç bir degişiklik hüsule gelmiyecek ve yukarıda saydığımız „hak" ve „hürriyetler" S.S.S.R. de bir kimse de olsun daha iyi bir gelecege ümid doğuramıyacaktır.

Bir daha tekrar ediyoruz, X-ci faslın „hak" ve „hürriyetleri" bir „ihracat malı", Garb ülkelerinde sovyet diversiyonu vasıtalarından biridirki, S.S.S.R. in dahilî vaziyeti için reyel hiç bir ehemmiyeti yoktur.

X-ci fasil sovyet vatandaşlarının vazifelerinden dahi bahsetmektedir.

Faslı kapıyan 133-ci maddede deniliyorki: „Vatanı müdafaa her S.S.S.R. vatandaşının mukaddes bir borcudur. Vatana ihanet, andı bozmak, düşman tarafına geçmek devletin askerî kudretine ziyan vermek, ecnebî bir devlet faydasına casusluk yapmak — en ağır bir cinayet gibi, kanunun bütün şiddetile cezalandırılıyor".

Yani—hepsi kapitalist ülkererin „klasik örneklerine" göre dir, internasyonalizm ve sosyalizmden bir eser bile yok. Hatta, „Vatan" bile, artık „sosyalist vatanı" degil doğrudan doğruya „vatan„dır.

İşte, müelliflerinin ve bunların sesine ses veren „müttehid cephe" dekilerin tarifine göre, „bütün dünya konistitusyonlarının en kâmili ve en demokratiki olan" yeni sovyet konistitusyonunun ana hatları bundan ibaretdir.

Emir Şekib Arslan

Bolşevizm İslamiyete hilaftır*)

Bana müracaat ederek bolşevizmin arab memleketlerindeki intişarı ve benim bu doktrine alakam hakkında bir şey yazmamı rica ettiler. Ben de bu yazile bu ricayi ifa ediyorum...

Komünistler Rusyada hakimiyeti ellerine aldıkları zaman müslümanlar arasında bir müddet için umumî bir sevinc başladı. Fakat bu, müslümanlar nazarında komünistlerin simpatiye malik bulunduklarından değil, bütün emeli İslamiyetle, o cümlden Osmanlı imperatorluğu ile mücadeleden ibaret olan rus çarlarının imperyalist hakimiyetlerine nihayet verildiginden ileri geliyordu.

Tabiî bir şeydir, ki Türkiye ve alelumun müslümanlar en korkunç düşmanlarının yıkılıb yerine, o zaman kendisini en liberal ve en âdil rejim takdim eden bir hükûmetin gelmesinden memnun olacaklardı. Sovyetler o zaman Moskvada yalnız mülkiyetin ilgasını değil bütün milletlerin de hürriyetini ilan etmişti. Bu suretle Mısır, Suriye, Filistin, İrak, Tunis, Marakeş, Libiya, Hindistan ve sair müslüman memleketleri temamile hürriyet kazanacaklardı. Bolşevik Rusya, Kafkasya, Buhara ve diger yerlerin hürriyet ve istiklâllerini tanıdığına dair defaatle yaptığı deklarasyonlar onun bu fikrini teyid ediyordu. Ona göredir, ki komünizmin islamiyete zıt ve muğayir olmasına rağmen müslümanlar, avrupa imperyalizmile olan savaşlarında bolşevizmi kendilerine müttefik bir rejim telakki etmişlerdi.

*) Bu makaleyi Sarayevo'da intişar eden „İslamski Glas" (№№ 24, 25—1936) gazetesinden alıyoruz. Makale bir kaç bakımdan mühimdir. Rusya esaretindeki müslüman milletlerin bolşeviklerle münasebat tarihi bu makalede olduğu gibi alınmamış ise de, buna mukabil bolşeviklerin „kurtarici" rollarına büyük ümid besliyen bâzi arab memleketlerindeki değişmeyi eyi tasvir etmektedir. Anlaşılan, maruf siyaset adamı olan muharrir kendisi de o muhafile mensubdur. Gördügümüz gibi hali hazırda bolşeviklere baglanan ümidler boşa çıkmaktadır ve bu işde Rusya esiri müslüman milletlerin arab memleketlerindeki propagandaları az rol oynamamıştır. Bir Suriyeli olan muharririn SSSR deki milliyet mes'elesi hakkındaki malumatı dahi bu propagandanın bir neticesidir.—İdare.

Fakat, bu vaz'iyet uzun sürmedi. Çünkü bolşevikler, kendilerine tekaddüm eden rejimden daha imperyalist ve daha şovenist olduklarını isbat ettiler.

Kafkasya topraklarile Türküstan devletlerinin istiklâllerini tanıdıklarına dair beyanatı müteakib bu yerleri istilâ ettiler. Bu suretle komünistler çarlık Rusyadan daha milliyetçi olduklarını isbat ettiler ve Lehistan, Litva, Latviya, Estoniya ve Finlandiya gibi Avrupadaki yeni devletlerin istiklâllerini tanıdıkleri halde (gerçi bu milletler rus esaretinden kendi kuvvetlerile kurtulmuşlardı) çarlar gibi Asya milletlerinin istiklâllerini tanımadılar.

Çarlık devrinde olduğu gibi Ukrayna, Kırım, Gürcüstan, Dağıstan**), Azerbaycan, Bessarabiya***), Ermenistan, Buhara krallığı, Hiva hanlığı ve Türküstanın diğer devletleri gene esaret ve tahakküm altında bulunuyorlar. Bu da azdır, çarlık devrinde bu memleketler nisbeten daha rahat idiler, şimdi ise bolşevik hükûmeti tarafından tahribata maruz kalmışlar ve bolşevik hükûmeti en zalim ve müstebid bir hükûmet olmuştur. Bolşeviklerin, Mısır, Merakeş, Tunis v. s. müslüman memleketlerini kurtarıb müstakil olmalarına yardım edecekleri hakkında daima tekrar ettikleri vâdlar âdî manevradan ibaret oldu, Anlaşıldı, ki komünistler müslümanların simpatisini kazanmakla dünya komünistlerinin sayını çoğaltmaktan başka bir maksad takib etmemişlerdir. Tek başına kendisini zaif hisseden kızıl hükûmet, müslüman memleketlerini dahi komünist devleti haline sokmak istemiştir. Bundan başka komünistlerin bir maksadları dahi vardı: onlar garb devletlerini, bilhassa Ingiltere ile Fransayı Sovyet Rusyaya karşı savaştan vaz geçüb onunla dost olmaya icbar etmek istemişlerdir.

Filhakika, müslüman memleketlerinin kurtuluşu şiarını propaganda etmekle Sovyetler garb devletlerini boykot ve savaştan vaz geçmeğe mecbur ede bildiler. İngiltere ile Fransa evvelâ bolşevik hükûmetini tanıdılar, sonra yavaş—yavaş siyasî ve iktisadî münasebat tesis, hatta dostluk muahedeleri ve Fransa ile ise askerî ittifaklar akdettiler. Yalnız unutmamalıdır, ki garb devletleri bütün bunları conditio sine qua non teşkil eden bir şartla yapdılar—sovyetler bu devletler dahilinde ve müstemlikelerinde propağanda yapmıyacaklardır.

Bundan görüyoruz, ki sovyetler müslümanlarla münasebatında hiç de samimî olmamıştır ve onların müslümanları kurtarmaya dair propagandaları garb devletlerini korkutmak için yapılan bir nümayiş imiş.

Ona göre müslümanlar şu neticeye vardılar, ki sovyetlerden eyi hiç bir şey beklenemez. Fakat bu siyasî motife daha büyük ehemmiyeti olan ictimaî—ahlakî bir sebeb de ilave olundu. Rus bolşevikleri Rusyadaki müslümanların dinî ve umumî teşkilatlarına dokunmadıklarını defaatle ilan ettiler. Hakikaten de uzun bir zaman bütün sâylerini ortodoks kilisesine karşı çevirdiler. Çünkü bu müessese onlar için tehlikeli idi. Biz Sovyet ricalini ikna ediyorduk, ki İslamiyet onların devletinde hakimiyet iddiasında olmadığı için bir tehlike teşkil etmez.

Neticede sovyetler ne İslamiyeti, ne de diğer dinleri takib etmediklerini ilan ettiler. Halbuki müslüman ülkelerinde sistematik bir surette allahsızlık propagandası yapiyorlardı, camileri kapayor, mekteblerde din dersini menetmiş bulunuyorlardı.

Sovyetlerin tedbirlerine rağmen Rusyadaki müslümanların şikâyetleri bize kadar gelib çattı ve bolşevizme olan tahammülün bütün sebeblerini ortadan kaldırdı, Ona göre beş yıl önce kudusta vaki olan İslam kongresinde herkesin nazari dıkkatını celbeden Rusyadaki müslümanların maruz bulundukları takibat oldu. Bundan istifade ederek ben de kongreye münasib ruhda bir rapor gönderdim.

Kongre sovyet hükûmetinin müslümanların dinî hürriyetlerine olan suikastı pretesto eder kararlar çıkardı. Bu protesto kararı Cenevredeki Milletler Cemiyetine gönderildi. Bütün arab matbuatı uzun zaman bu mes'eleyi etraflı surette müzakere etti. Ayni zamanda El-Azhar universitesinin rektoru olan Mısırdaki İslam dini reisi dahi bolşeviklerin İslamiyet aleyhdarı siyasetlerini şiddetle protesto etti ve İslamiyetle komünizmin arasındaki tezadı kabartarak bolşevizmin prensiplerini terzil eyledi.

Bütün bu faaliyet neticesinde sovyet rejimi çar rejiminden daha zalim bir rejim olarak müsülmanların nazarında canlanmış oldu. Müslüman milletlerin garb devletleri esaretinden kurtuluşlarına aid sözlerini bolşevikler dutmadılar. Bolşeviklerin bu mahiyetteki deklarasyonları âdî yalandan ibaret olarak kaldı. Müslüman milletleri anladılar, ki bolşevikler, İngiltere ile Fransayı kendilerile anlaşmaya vadar etmek için, yalnız komünizm propağandası yapıyormuşlar.

Bolşeviklerin Islam dinini, ayni surette hiristiyan dinini imha için sarfettikleri emek bütün dünyada endişe uyandırdı. İptida bolşeviklere karşı bir kadar loyal oluşumuz onların doktrinlerini kabul ettigımizden ileri gelmiyordu, biz gerek Rusyada gerekse başka yerlerdeki müslüman milletlerin kurtuluşlarına yardım edeceklerine inanıyorduk.

Uzun bir müddet zarfında, Rusyada müslümanları rahat burakacakları ümidile, biz bolşeviklere simpati besledik. Fakat bu hususta yalnız sukutu hayâlle karşılaştık.

Sovyetler daima kendi komünist siyasetlerini yürüttüler. Ve, onbir yıllık tecrübeden sonra onların asıl gayelerini keşfedince—onlara harb ilan ettik.

İptidada ümid etmiştik, ki mazlum müslümanların harbdan sonra daha ziydeleşen iztirablarını dinlemek bile istemiyen ve İslami bogan garb devletlerine karşı bolşeviklerle teşriki mesai edebileceğiz. Bu suretle İslamın garb imperyalistlerine karşı bolşeviklerle birlikte çarpıştığı zannı boşa çıktı. Bilhassa, ki bolşevizmden medeniyeti beşeriyeyi tahrib ğayesini güden kuru şiarlardan başka bir şey kalmamıştır. Müslüman memleketlerinde tam bolşevik yoktur. Rusya ile dostluğuna rağmen Türkiye bu hareketi darma-dağın etmiştir. Ehemmiyetsiz bir iki kişiden başka suriyede de bolşevik yoktur.

Arabların Filistinde İngilterenin yardımile devam eden yehudi muhaciretine karşı hareketleri bolşevizmin yayılmasına bir kadar yardım etti ise de bu muvakkat bir zaman için oldu. Şimalî Afrikadaki umumî müslüman hareketi bir kadar bolşevizme temayül ediyordu ise de burada komünizmden değil, liberal

---

**) Arab memleketlerinde Şimalî Kafkasya Dağıstan namile maruftur; bâzen de burasına Çerkesistan denilir —İdare.
***) Yâni şimdiki Moldaviya cumhurtyeti.—İdare.

Али Мирза

САМОУБИЙСТВО ХАНДЖЯНА

Самоубийство Ханджяна, секретаря ЦК КП(б) Армении, вызвало в коммунистических кругах „Закавказья" ряд выступлений, разоблачающих довольно откровенно кулисы этого события.

Общий характер выступлений был обличительный. Интересно, что возмущение поступком Ханджяна наростало crescendo.

В первых сообщениях, подписанных заккрайкомом ВКП(б) и ЦК КП(б) Армении, акт самоубийства называем был лишь „проявлением малодушия, недостойного особенно для руководителя партийной организации". Правда, в них довольно смутно упоминалось и о „ряде политических ошибок", допущенных покойным, но тут же приводилось, так сказать, смягчающее вину обстоятельство в виде „тяжелой формы туберкулеза", который „усугублял общее состояние тов. Ханджяна".

Но уже в резолюции собрания актива КП(б) Армении, принятой 12 июля 1936 года (т. е. через три дня после смерти), Ханджяну пред'явлен был ряд конкретных обвинений (покровительство „контрреволюционной", „троцкистской" деятельности Степаняна и Галояна и т. п.), а самоубийство его названо было „предательским актом"; еще через три дня, 15 июля, эриванский „Коммунист", впадая в форменную истерию, писал в передовой:

„Этот выстрел мы не можем назвать иначе, как предательским выстрелом, ибо этим выстрелом наносится вред партии, дается пища нашим злейшим врагам. Признать ошибку, но отказаться от ее исправления, не найти сил для исправления вреда, нанесенного партии, - это ли не позорный акт, предательский акт малодушия".

И далее:

„Когда поддерживается националист-троцкист Степанян, обманным путем пролезший на ответственные посты и, пользуясь гнилым либерализмом Ханджяна, выдвигается на пост наркома (Ст. был наркомпросом АрмССР — А. М.), вводится в состав ЦК, когда, несмотря на тревожные сигналы отдельных членов партии, руками людей, потерявших партийное лицо, вроде А. Галояна (секретарь партийной контр. комиссии по АрмССР, „замазавший" дело Степаняна - А. М.), эти члены партии наказываются, — это, конечно, тяжелая, непростительная ошибка.

Но когда после разоблачения двурушника, выявления его истинного звериного лица националиста, контрреволюционера, врага партии и трудящихся, не находят в себе мужества для борьбы с врагом и его „идеями" и малодушно уходят с арены, тем самым об'ективно выдавая себя врагу, — это не только ошибка, но позорное, непростительное преступление перед партией, это фактический уход из партии, это предательство перед партией".

Так, на протяжении нескольких дней, Ханджян из „малодушного руководителя партийной организации" превратился в „позорного преступника и предателя перед партией".

Но этот молниеносный переход от почти дружеской снисходительности к наивысшему возмущению не является сам по себе чем то необычным в советских условиях. Мы неоднократно были здесь свидетелями еще более неожиданных переходов не только при оценке отдельных „вождей", но и многих идей, казавшихся по-началу незыблемыми. Зато достойно внимания то, что можно прочесть между строк цитируемых нами материалов, что прикрыто фразеологией резолюций и газетных статей.

Наиболее содержательна и в этом случае передовая газ. „Коммунист". Характерно, что в ней сам факт самоубийства и личность Ханджяна теряются на фоне моментов, которые со всем этим, казалось бы, не находятся ни в какой связи или же связаны весьма проблематично.

Первой из таких, скажем, неувязок является обширный „панегирик", посвященный Лаврентию Берия и занимающий почти треть статьи.

Авторы передовой усиленно стараются представить Берия не только в качестве „стойкого руководителя большевиков Закавказья", но и „чуткого друга" Армении и армянского народа. Последний момент подчеркивается с особенной заботливостью. Создается впечатление, что авторы всячески хотят оправдать секретаря заккрайкома ВКП (б), что ему пред'являются какие то обвинения в несправедливом отношении к ССР Армении, одному из членов обреченной на ликвидацию „Закфедерации". Все это сопровождается не менее характерным упоминанием о „происках злейших врагов армянского трудового народа — дашнаков".

Но особенно показательно славословие в честь Сталина, занимающее в передовой еще больше места, чем перечисление „заслуг" Берия перед „армянским трудовым народом". Однако, в данном случае дифирамбы воспеваются не так, как обычно. Т. напр., говоря о Сталине, газета считает нужным вспомнить о „гнусной клевете против партии и ее руководителей". Этим она, как бы, находит на ясном в последние годы горизонте „популярности вождя" какие то пятна. Источником этих пятен являются опять-таки „подонки дашнаков", „националистические ублюдки". Кроме этого, газета специально старается подчеркнуть грузинское происхождение Сталина. Грузинский народ называется ею „великим грузинским народом, давшим человечеству великого вождя това-

---

Fransa hakimiyeti altındaki müslümanların mahrum bulundukları hürriyetten bahsedilmektedir.

Merakeşe gelince diye biliriz ki oradaki müslümanlar garb imperyalistlerile savaşlarında birliklerini bozmak fikrinde değillerdir. Onlar, bolşevik yardımı olmadan haklarını elde edeceklerine kanidirler.

Moskvanın iki yüzlülüğü artık herkesce müsellemdir. Sovyetler şimalî Afrikada propağandalarına nihayet vermek mukabilinde Fransa ile münasebat tesis etti. Hali hazırda ise bu münasebat Fransa ile sovyetler arasında askerî ittifaka kadar ilerilemiştir.

рища Сталина". Нужно учесть при этом, что в „нормальных условиях" свое грузинское происхождение „великий вождь" скорее скрывает и отнюдь им не афиширует.

Чем же об'яснить наличие в передовой этой серии „неувязок", этих „уклонов" в статье, которая по существу должна была говорить лишь о самоубийстве Ханджяна и сопутствующих ему обстоятельствах, нашедших свое отражение в резолюции актива КП (б) Армении (дело Н. Степаняна, Галояна и др.)? Почему газета сочла нужным глорифицировать не только Сталина, но и Берия, подчеркивая при этом, наряду с их беспристрастностью и заботливостью в отношении „армянских трудящихся" и вопреки принятому обыкновению, их грузинское происхождение? Что скрывает фразеология славословий, тошнотворная по-старому, но содержащая одновременно новые мотивы при характеристике „вождей"? Наконец, к чему все это связывается с „дашнаками", с „националистическими ублюдками", влияние которых совсем недавно коммунистическим синедрионом „Закавказья" было торжественно об'явлено ликвидированным окончательно?

При поисках ответов на все эти вопросы, невольно приходит на мысль недавняя кампания на страницах армянской эмигрантской прессы (дашнакской), утверждающая, что Армения является „пасынком" в составе „Закфедерации", что ее обделили и обделяют в пользу Грузии и Азербайджана (в особенности в пользу первой), что всем этим руководят „грузины" – Сталин, Берия и др., занимающие руководящие посты в компартии.

Не проникла ли эта точка зрения и на коммунистический Олимп Армении и не вызвала ли она и там враждебных этой „грузинской гегемонии" ферментов? Нам кажется — так. Выстрел Ханджяна связан, несомненно, с такого рода „националистическим" брожением среди верхов КП (б) Армении. Об этом, думаем, достаточно ясно говорит специфический характер затрагиваемых передовой моментов, отмеченный нами.

Для идеологии общекавкасского единства являются отнюдь не безразличными позиции, которые в этой эмигрантской и коммунистической склоке занимаются широкими массами армянского подневольного народа. И здесь мы должны сказать, что за будущее этого единства мы спокойны. Армянские массы дали свой ответ в памятные дни кровавых боев с общим врагом в 1930 — 31 г. г.; они дают его и сейчас в той повседневной борьбе, которую народы Кавказа, дружно и не переставая, ведут с властью оккупантов. Эмигрантские и коммунистические дрязги не могут разрушить согласия, скованного совместно пролитой кровью.

Ацамаз

Новый режим проливов

Конференция в Монтре, созванная по инициативе Турции для пересмотра Лозаннской конвенции о проливах, закончила свои работы. 20 июля подписана новая конвенция о режиме проливов и протокол о их ремилитаризации.

Тяжелые ограничения, наложенные на Турцию трактатом в Севр и значительно смягченные в результате победоносно законченной освободительной войны трактатом в Лозанне, перестали отныне обязывать Турцию. Конференция в Монтре полностью восстановила суверенитет Турции в проливах.

Новая конвенция существенно изменила режим проливов. Правом свободного прохода через проливы, не ограничиваемым ни флагом, под которым плавает судно, ни его размерами и характером перевозимых товаров, а также местом предназначения, будут располагать теперь только торговые корабли. Но во время войны, если Турция соблюдает нейтралитет, или в мирное время, если Турция считает, что ей грозит с чьей либо стороны военное нападение,—она может запретить торговым судам ночной проход через проливы, как равно определить для них после прохода направление плавания. В случае же нахождения ее в числе воюющих сторон, суда нейтральных государств могут пользоваться проливами только тогда, если дадут обязательство не оказывания помощи противной стороне.

Свобода плавания военных кораблей ограничена в несравнимо больших размерах, причем новая конвенция резко отделяет нечерноморские государства от черноморских, значительно урезывая первым права, которыми они располагали согласно Лозаннской конвенции.

Хотя сохранен принцип этой конвенции, ставящий размеры морских сил нечерноморских государств, имеющих право пребывать на Черном море, в прямую зависимость от размеров морских сил черноморских государств, но новая формулировка, данная ему в Монтре, совершенно изменила его значение.

Если Лозаннская конвенция предусматривала свободный проход через проливы всех иностранных кораблей, с оговоркой, что „максимальные силы, которые какая либо держава может проводить через проливы в направлении Черного моря, не будут превышать тех, которые принадлежат самому сильному флоту прибрежных к Черному морю держав", то теперь максимальные силы всех нечерноморских государств на Черном море ограничиваются лимитом в 30.000 тонн. При этом, в случае увеличения самого сильного черноморского флота на 10.000 тонн, соответственно повышается и лимит тоннажа флотов нечерноморских держав, но, во всяком случае, он не может быть выше 45.000 тонн. Но и из этой суммы каждая из нечерноморских держав в отдельности может располагать только 2/3.

Ограничивая количественно силы нечерноморских государств на Черном море, новая конвенция ограничивает их и качественно. Через проливы в направлении Черного моря могут проходить толь-

ко легкие надводные боевые корабли и вспомогательные суда. При этом количество всех кораблей, проходящих одновременно через проливы, не должно превышать 9-ти, а общий тоннаж — 15.000 тонн. Условия эти закрывают проливы не только для подводного флота нечерноморских держав, но и для т. н. карманных броненосцев Германии, которые при незначительном тоннаже (менее 15.000 тонн) своим мощным вооружением не подходят под определение легких кораблей.

Единственное исключение составляют вспомогательные военные суда, предназначенные для перевозки топлива (жидкого и твердого), тоннаж которых, согласно 9 ст. конвенции, не должен быть включаем в общий тоннаж военных судов, проходящих через проливы. Однако эти суда должны проходить проливы индивидуально, без сопровождения иных кораблей, и должны обладать вооружением, не превышающим определенной нормы.

Если мы добавим к сказанному, что флотилии нечерноморских держав не имеют права пребывать на Черном море более 21 дней, то получим полную картину ограничений, которые накладываются на эти державы новой конвенцией.

Будучи так мало благожелательной для государств Запада, конвенция с несравнимо большей снисходительностью рассматривает государства бассейна Черного моря, предоставляя, в силу существующего на этом море фактического положения, львиную долю всех привиллегий Советской России.

Право плавания через проливы признано не только легким, но и линейным кораблям черноморских держав, при условии, однако, что в одно и то же время проливы может проходить лишь один линейный корабль в сопровождении не более 2-х миноносцев. Ясно, что ограничение это не является существенным, а самое главное — правом провода линейных кораблей в данное время может воспользоваться только Россия, ибо только ее флот среди флотов черноморских держав располагает такими кораблями.

Привиллегии распространяются и на подводные суда государств Черного моря. Согласно 12 ст. конвенции, подводные лодки, купленные или же построенные вне пределов Черного моря, имеют право проходить через проливы, направляясь в свои черноморские базы. Право это принадлежит подводным судам и тогда, если они, нуждаясь в ремонте, должны его провести в доках вне Черного моря. Естественно, свободный проход признан за ними и при возвращении из ремонта.

Сказанное обязывает только в условиях мира. В случае же войны и здесь наступает ряд изменений. Если Турция сохраняет нейтралитет, то права, обязывающие в мирное время, применяются в отношении лишь тех государств, которые также не принимают участия в войне. Для судов же государств воюющих, без различия их принадлежности к черноморским или же нечерноморским, проливы должны быть закрыты. Только в том случае, если закрытие проливов отрезало какое либо судно воюющей стороны от базы, судно это должно быть пропущено с целью возвращения в последнюю.

Закрывая в принципе проливы для воюющих сторон, конвенция предвидит их открытие для тех государств, которые будут выполнять обязательства, налагаемые на них пактом Лиги наций. Проливы могут быть открыты и для той стороны, которая пожелает оказать помощь государству, подвергнувшемуся нападению, но только в том случае, если к такой помощи обязывает режиональный договор, в котором принимает участие Турция.

Нужно еще отметить, что все эти ограничения не могут, согласно 17 ст. конвенции, препятствовать Турции в том случае, если она захочет пригласить в свои воды любую эскадру любого государства, не взирая на ее состав и силу. Кроме этого, если Турция будет считать, что ей грозит нападение, не находясь при этом сама в состоянии войны, то ей принадлежит право применять в отношении чужих судов такие нормы, какими она могла бы пользоваться, будучи одной из воюющих сторон.

Принимая во внимание эти полномочия, а также подписанный одновременно с конвенцией протокол о ремилитаризации проливов, мы можем сказать, что отныне судьба проливов полностью зависит от воли Турции. Тем более, что конвенция ликвидирует права и Международной комиссии проливов, установленной в Лозанне.

Таким образом, дипломатия Турции может похвалиться большим и вполне заслуженным успехом.

Но при этом мы должны учитывать и то, что новый режим проливов и советская дипломатия причисляет к числу своих достижений. В передовой „Правды" от 21 июля конвенция в Монтре названа „дипломатическим успехом Советского союза", который „является результатом мудрой политики нашей партии, создавшей под руководством великого Сталина невиданную экономическую, культурную, военную и международную мощь СССР".

Нашим желанием является, чтобы и в этом случае советские расчеты не оправдались.

В. Билатти

Борьба за язык на Северном Кавказе*)

Научные исследования кавкасских языков, имеющие, считая со времен Гюльденштета и Палласа, традиции почти двух столетий, давно уже выявили блиские связи и родство, существующие между этими языками вообще, а между языками Северного Кавказа в особенности. Родство доказано не только в отношении группы языков, названной Марром „яфетической", но и в отношении других кавкасских языков, принадле-

*) Настоящая статья и следующая за ней статья г. Мирза Бала являются переводами докладов, прочитанных на Языковедческом с'езде народов „Прометея".—Редакция.

жащих формально к иным языковым группам: к группам языков тюркских и иранских. Об этом говорят нам, в особенности, работы повоенного поколения кавкасских лингвистов, среди которых мы можем встретить и ряд имен северокавкасских. Таким образом, несмотря на кажущееся языковое многообразие, в отношении генетической общности своих языков, а отсюда и в отношении расовой общности своих народов и племен, Кавказ является одной из наиболее сконсолидированных частей мира.

На Северном Кавказе чувство языковой и расовой общности усиливается еще и чувством общности национальной, которая об'единяет населяющие его племена в один народ, с одними и теми же национальными аспирациями и стремлениями.

Факт существования на Северном Кавказе нескольких языков при одновременном осознании его населением взаимной общности, давно уже поставил на порядок дня проблему общего языка—языка взаимных сношений и связи. Перед завоеванием Северного Кавказа Россией, проблема эта была разрешена таким образом, что роль общего языка исполняли, с одной стороны, арабский язык, а с другой—местные тюркские языки-наречья: карачаево-балкарский и кумыкский. Арабским языком пользовалось духовенство, а также те представители интелигенции, которые получали образование в известных на всем мусульманском Востоке школах Дагестана, где арабский язык был языком преподавания. Тюркские же наречия были распространены среди широких слоев северокавкасского общества, выполняя с успехом роль доступного для всех и легко усвояемого языка связи.

После первого завоевания Кавказа, официальным языком на Северном Кавказе об'явлен был русский язык. Местные языки лишены были всех прав. Царское правительство и на Северном Кавказе стало вести известную всем здесь присутствующим политику руссификации.

Революция 1917 г. дала Северному Кавказу возможность разрешения проблемы языка согласно собственному желанию и собственной пользы. Сейчас же после революции, на I-м общенациональном с'езде в Терк-Кала (Владикавказе) в мае 1917 года, были определены отправные пункты, которые обозначили пути будущего развития проблемы языка на Северном Кавказе. С'езд единогласно постановил, что языком обучения в начальных школах должен быть материнский язык—т. е., в зависимости от местных условий, язык каждого из северокавкасских племен в отдельности. В средней школе должно было быть введено преподавание кумыкского языка, одного из местных языков тюркского корня, который этим предназначался к занятию в будущем места общепонятного языка. С'езд рассмотрел также проблему алфавита. В соответствующей резолюции постановлено было, что „для всех горцев Кавказа за основной должен быть принят арабский алфавит, с прибавлением лишь тех букв для звуков, которых нет в арабском алфавите, но с непременным условием, чтобы одинаковые звуки в языках горцев обозначались бы одинаковыми начертаниями".

Таким образом, общенациональный с'езд, выявивший свободную волю Северного Кавказа, высказал, что проблема языка должна быть разрешена путем сохранения материнских языков, но при одновременном создании общенационального языка и общего алфавита для всех языков.

Принцип этот лег в основу языковой политики, которую проводило правительство Республики Северного Кавказа в период нашей недавней независимости.

После оккупации Северного Кавказа Советской Россией, правящая коммунистическая партия стала внедрять собственную языковую политику, согласно образцов, которые, как известно, вырабатываются в Москве и являются более или менее одинаковыми для всех нерусских районов СССР.

Советская языковая политика на Северном Кавказе была начата парцеляцией языков, которой предшествовала парцеляция административная, разделившая территорию страны на ряд т. н. автономных областей и включившая ее в т. н. Северо-Кавказский край, где русское население составляло преобладающее большинство и северные границы которого простирались почти под Воронеж. В силу этих условий проблема общего языка на Северном Кавказе свелась к восстановлению позиций русского языка.

Наиболее характеристичной для тенденций оккупационного правительства при разрешении проблемы языка является борьба, которая развернулась вокруг этой проблемы между правительством и северокавкасской общественностью в Дагестане, составляющим на Северном Кавказе также один из „автономных" районов.

Здесь, в начале оккупации, местные власти, состоявшие еще в те времена в большей части из автохтонов, сохранили направление, которое определилось на национальном с'езде в 1917 году. Как мы отметили, с'езд этот выдвигал на роль языка-связи кумыкский язык. Положение это было сохранено и после большевистской оккупации: кумыкский язык сохранял свое доминирующее значение, выполняя фактически задачи государственного языка.

Но в 1928 году оккупационные власти признали это положение анормальным, возникшим благодаря влиянию „буржуазно-националистических элементов", и предписали провести дискуссию, не скрывая, что целью этой дискуссии является восстановление прежних привиллегий русского языка.

Дискуссия продолжалась около трех месяцев и, несмотря на то, что русско-коммунистические круги всячески старались лишить кумыкский язык занятых им позиций, этот последний, благодаря солидарному выступлению общественности, сохранил еще на некоторое время свое значение. В резолюции, принятой местными властями в результате дискуссии, было сказано, что кумыкский язык продолжает оставаться „языком межплеменных сношений" и что партийный и административный аппарат Дагестана должен владеть им, употребляя его при взаимных сношениях. Русский язык, который, согласно резолюции, потерял уже характер „языка-захватчика", должен служить только для связи с центральными властями и с иными народами Советского союза.

Конечно, такая резолюция не могли удовлетво-

рить Москву, которая стремилась к полной замене кумыкского языка русским языком. И действительно, в 1930 г. языковое строительство Дагестана подверглось радикальным изменениям, которым предшествовала тщательная „чистка" местной администрации и партийного аппарата. Кумыкский язык был полностью заменен русским языком и, таким образом, Москва еще более усилила свои руссификационные позиции.

Не менее характерна политика большевиков в вопросе алфавита для отдельных языков Северного Кавказа. От 1922 года, когда стал вводиться латинский алфавит, общественность Северного Кавказа неоднократно требовала создания унифицированного алфавита для всех языков и наречий. Но русские „специалисты языкового строительства" и здесь последовательно реализируют политику парцеляции, выдумывая самостоятельные алфавиты не только для отдельных языков, но даже для наречий и диалектов одного и того же языка. Так например, самостоятельные алфавиты имели еще недавно чеченцы и ингуши, имеют еще и сейчас диалекты адыгейского языка, абхазцы и абазинцы и т. д. С 1924 г. на Северном Кавказе существует „Комитет по унификации местных алфавитов", созданный по требованию населения, но дело унификации не только не подвигается вперед, а наоборот, количество алфавитов увеличивается с каждым годом. Так например, всего на всего в прошлом году был создан еще один алфавит для табасаранского диалекта в Дагестане, и это несмотря на то, что в упомянутом комитете по унификации алфавитов уже давно имеются проэкты общего алфавита для всех языков и диалектов Северного Кавказа, разработанные местными языковедами. Однако, русские „специалисты," занимающие в комитете руководящие посты, держат эти проэкты „под сукном", всячески препятствуя проведению унификации. В последнее время ходят упорные слухи о том, что большевики намерены ввести на Северном Кавказе вместо латинского алфавита русскую „гражданку", воскресая таким образом полностью традиции русских миссионеров, которые во времена царизма вдохновляли руссификаторскую политику правительства.*)

В заключении остается сказать несколько слов о том, как большевики стремятся внести изменения в структуру наших языков. Изменения эти вводятся главным образом при помощи т. н. терминологического строительства, которое является, пожалуй, основой руссификаторских методов советского правительства. Для характеристики этого строительства процитирую несколько выдержек из статьи Ахмета Тлюнаико, северокавказского коммуниста, занятого лингвистическими исследованиями и поэтому имеющего в данном случае некоторый авторитет.

Критикуя изданные большевиками на Северном Кавказе терминологические словари, Тлюнаико пишет:

„Эти словари должны были быть словарями общественно-политическими, но они скорее русско-национальные, нежели общественно-политические, терминологические словари"...

Немного далее он говорит:

„Уклоны в сторону великодержавного шовинизма в вопросах национальной терминологии проявляются в стремлении внести в данный национальный язык иноязычные термины в неограниченном количестве. В национальных областях в качестве единственного источника создания новой терминологии рекомендуется сторонниками перенесения в данный язык иноязычной терминологии великорусский язык, забывая совершенно о международной терминологии..."

Затем Тлюнаико поясняет, как это проводится практически:

„На практике — пишет он — они переносят в национальный язык русские слова в неизмененном виде в отношении даже падежных, родовых и пр. окончаний, а международные термины в форме русского произношения вне приспособления их к грамматическим и прочим особенностям данного национального языка. Примеров можно привести множество."

Ясно, что протесты наших Тлюнаико не достигают цели. Большевистские руссификаторы, не обращая на эти протесты внимания, продолжают свою разрушительную работу. В последнее время, как сообщает наша национальная печать, даже так составленные словари из'яты из обращения, ибо власти нашли в них влияния „националистических уклонов". В результате, все словари, изданные до 1934 г., подверглись уничтожению и должны быть заменены новыми.

Террор, применяемый в области языкового строительства, привел к тому, что в северокавказских изданиях (на местных языках) можно сплошь и рядом встретить следующие „международные термины" (в их русском произношении): „день материнства и младенчества", „международное юношеское движение" и т. п. Борьба с принципами пуризма в нерусских языках, которую ведут большевики, привела у нас к тому, что наши коммунистические редакторы боятся переводить с русского языка даже наиболее простые понятия, принадлежащие однако к т. н. советским словам. В результате, народ наш, не знающий в большей своей части русского языка, не может понять того, что пишется для него на его, якобы, родном языке.

Однако, советское правительство не ограничивается деятельностью в сфере терминологии. В последние годы принялось оно за „работу" и на поприще грамматики. Известный на Северном Кавказе руссификатор проф. Яковлев разрабатывает новые грамматические пособия, в которых, как сообщает советская печать, „благодаря подобию грамматических норм языков Северного Кавказа и русского языка", вводятся нормы, в точности заимствованные из русской грамматики.

Вот те методы, пользуясь которыми большевистские дельцы искажают научный об'ективизм для целей руссификации и укрепления позиций русского империализма.

Подводя общий итог советского языкового строительства, можно сказать с полной основательностью, что в области руссификации угнетаемых народов советское правительство оставило далеко за собой

---

*) Слухи эти, как известно из сообщений нашего журнала, оправдались. „Гражданка" вводится в „сатрапии" Бетала Калмыкова — Кабардино-Балк. авт. обл., а по последним известиям и в Черкесской авт. обл., где правит некий Казачков, секретарь местного обкома ВКП(б). — Редакция.

Мирза Бала

Советская языковая политика в Азербайджане

История пробуждения, возрождения и падения народов учит нас, что народы, которые смогут защитить и сохранить свои национальные особенности и культуру, будут в состоянии рано или поздно создать свое национальное государство. Наоборот, в случае потери указанных особенностей и культуры, народы теряют свое национальное „я", лишаясь источника национального вдохновения. Они в этом случае не имеют будущего и их можно считать погибшими.

Наиболее существенным признаком национальной культуры есть язык. Роль языка в деле защиты и сохранения национального бытия является решающей. Учитывая это, красная Москва с первых же дней оккупации начала вести в Азербайджане жестокую борьбу с азербайджанским литературным языком, имеющим за собой почти семивековые литературные традиции.

По началу красная Москва пробовала применить ту тактику, которую она применила в Туркестане и на Северном Кавказе, пытаясь разделить азербайджанский народ на отдельные племена, а его язык на отдельные племенные диалекты.

Но на языке, который в XIII—XVI ст. ст. был развиваем такими титанами литературного стиха, как Хасан-Оглу, Насими, Хабиби, Физули, Хатаи и др., говорят и пишут не только на Кавказе, но и миллионы азербайджанцев вне Кавказа. Азербайджанский народ уже давно закончил, благодаря высоко развитому литературному языку, процесс об'единения и консолидации. Поэтому то большевики вскоре вынуждены были перейти к иным методам, практикуемым ими в Идел-Урале, Крыму и на Украине.

Азербайджанский язык об'явлен был русскими „научными авторитетами", прибывшими в Азербайджан на штыках оккупационной армии, языком искаженным, воспевающим идеи национализма и партии „Мусават" и защищающим идеологию феодализма и капитализма.

Национальная интеллигенция: поэты, писатели, журналисты, ученые, мыслители и т. д. подверглись изгнанию и массы народа были оставлены, буквально, без языка. Нашлись в Азербайджане люди, которые, стремясь сохранить язык, хотели противодействовать разрушительной работе большевиков путем „демократизации" литературного языка, замены его языком трудящихся крестьянских масс, которые в Азербайджане составляют 75% населения.

Но и против этих тенденций была начата беспощадная борьба. Язык крестьянства есть язык классово-ограниченный — говорили большевистские руководители, противопоставляя народному языку „язык пролетариата". Национальная интеллигенция была заменена „кадрами переводчиков", которые даже самими азербайджанскими коммунистами характеризуются, как „неучи".

„Переводчики" должны были, используя русские печатные источники, создать новую пролетарскую культуру „социалистическую по содержанию и национальную по форме".

Но что же представляет из себя „язык пролетариата", основа деструктивной работы в Азербайджане? Ведь, сам Сталин на XII-м с'езде компартии признал, что в Азербайджане нет национального пролетариата, а имеющийся пролетариат состоит из великороссов. После 16 лет большевистского господства, согласно официальным советским данным, количество рабочих и государственных служащих доходила до 400000, среди которых азербайджанцы составляли менее 100000 человек. Среди 80000 рабочих нефтяных промыслов в Баку, азербайджанцы составляют только 9000 человек. Работая в промышленных центрах, где большинство рабочих составляют русские, и находясь под влиянием этого русского большинства, большинство т. н. азербайджанского пролетариата говорит испорченным жаргоном, заполненным русскими словами. Этот то именно жаргон назван был академиком Самойловичем „живым азербайджанским языком". Советские газеты в Азербайджане, печатаемые на этом „живом языке", содержат, например, такие выражения: „прошение вердим" (подал прошение), „мешать эйлеме" (не мешай), „мектеб предметлери" (школьные предметы), „собранияйя гедирем" (иду на собрание) и т. д Эти выражения с достаточной ясностью освещают характер „языка азербайджанского пролетариата".

Подобно европейским языкам, и восточно-мусульманские языки находятся под взаимным влиянием. В фарсском языке имеется большое количество арабских и турецких слов, а в турецком — арабских и фарсских. Уже 50 лет тому назад у нас начата была кампания против иноязычных слов и с этого времени наш язык в значительной степени очищен был от этих слов. Большевики также выступили против арабизмов и фарссизмов в нашем языке, но заменяют их словами не тюркского происхождения и не общемировыми терминами международно-научного значения, а чисто русскими словами. Московские „лингвисты" утверждают, что арабо-фарсские слова появились в азербайджанском языке вследствии господства арабо-мусульманской культуры, но так как сейчас Азербайджан переживает период социалистической культуры и русский язык является „языком октября", то его язык, как равно

своего предшественика — правительство царское. Царское правительство проводило руссификацию скорее механическую, стремилось к ассимиляции угнетаемых народов путем руссификации внешнего окружения: армии, школы, учреждений и т. д. Большевики же хотят нас ассимилировать путем органических изменений, насильственно вводимых в наши языки и приближающих их структуру к структуре русского языка. Политика эта является для нас еще более опасной и все народы „Прометея" должны вести против нее упорную и беспощадную борьбу.

языки иных народов СССР, должен развиваться под влиянием и в тесной связи с русским языком. Поэтому „на данном этапе" советские „лингвисты" всеми силами стараются заполнить „пролетарский" жаргон русскими словами и сделать этим путем азербайджанский язык подгруппой русского языка.

Московская „Правда" от 9-VII-1934 г. писала: „Турецкая терминология пахнет пантюркизмом. Нужно вместо этих терминов употреблять советские, которые в бесчисленном количестве появились в процессе созидания социалистической культуры". В результате метод, рекомендуемых „Правдой", в советских газетах, издаваемых в Азербайджане на „тюркском языке", сплошь и рядом можно встретить без всяких изменений даже такие русские слова, которые с успехом могут быть выражены соответствующими азербайджанскими словами. Например: обзор, картина, описание, начальник, паровоз, счет, часть, паек, предприятие, карточка, печать, предмет, поклон, негодяй, округ, район, райком, мещанин, гражданин, почта, союз и т. д. Иногда в советской печати появляются голоса, называющие такое положение нетерпимым, но и эти голоса признают, что такие слова, как колхоз, совхоз, совет, бригада, коминтерн, комсомол и т. п., уже „получили право советского гражданства" и поэтому во всех языках должны употребляться без изменений.

Но кроме проблемы т. н. советских терминов существует проблема терминологии международной, при разрешении которой советские „научные круги" также применяют только что описанные методы. И в этом случае никакие изменения не допускаются. Необходимо писать „колония", а не „мустемлеке", „партия", а не „фирка", „манифест", а не „бейяннамэ" и т. д. Даже „алгебра" и „химия", слова арабского происхождения, которые в Азербайджане употреблялись в течении веков в их арабском произношении („аль-джебр" и „кимия"), должны ныне выговориваться и писаться в произношении русском. Это требование, особенно характерное, распространяется на все международные термины, вводимые в Азербайджане.

Показательным для „терминологической работы" большевиков является „тюркский словарь философических терминов", изданный в Баку под редакцией проф. С. Васильева. В числе 2000 слов этого словаря имеются следующие русские слова, приводимые в качестве „непереводимых международных терминов": Бог, вина, награда, вывод, жадность, жадный, любовь, любопытный и т. д.

Неудивительно поэтому, что в результате такой политики чистый и высокоразработанный тюрко-азербайджанский язык исковеркан до неузнаваемости. Исковеркан не только „язык трудящегося пролетариата", но и школы, а также научных и литературных изданий. В прошлом году азерб. госуд. изд-во выпустило поэму некоего Санили под заглавием „Труд качаклары" — „Дезертиры труда", где вместо чисто турецких слов „иш" или же „эмек" употреблено русское „труд", отсутствующее даже в „пролетарском" жаргоне. Но этого мало. Уже начинают появляться смешанные русско-азербайджанские произведения. Так например, в бакинском журнале, „Инкиляб вэ мэдэниет" („Революция и культура") в № 9—10 за 1931 г., читаем следующее „произведение":

Позук вэзинлэрдэн
Бир тиян
Долдуруп,
Тияна
Шиир диэн
Шаирин
Гюлюндждюр бир аз,
Эх, к черту!
На этот раз
Я буду дерским
Курназлыклары,
Физулие
Ашинабазлыклары.

Или же следующее, напечатанное в том же журнале в № 1—2 за 1932 год:

Станок
Бэни бир ток
Киби чекмиш озюнэ.
Гэне бир янда гигантлар яранир
Магнитострой,
Гигантстрой,
Спой гиганскую песню
Об этом, спой, СССР —
Гигант мировой.

Ясно, конечно, что такие „смешанные произведения" являются непонятными для азербайджанского крестьянина, совершенно не знающего русский язык. Непонятны они и для русских, не знакомых с турецким языком. Понять эти „произведения" могут только те, кто знаком и с русским и с азербайджанским языком, а почувствовать в них какой либо смысл (но не полную бессмыслицу, каковую они из себя представляют) только те, кто представляет из себя полуруссифицированный элемент переходного (на путях к полной руссификации — „интернационализации") этапа. На этом этапе Москва нуждается в людях подобного покроя и в их жаргоне. Но на следующем этапе и они будут подвергнуты ликвидации.

Руссификационная политика Москвы не ограничиваетси этой дьявольской мерой. В Азербайджане также, как и в иных оккупированных Москвой странах, целям руссификации служит не только т. н. языковое строительство и тесно связанные с ним ежедневная и периодическая печать и всяческая „литература", но и коммунистическая партия и весь государственный аппарат. Фактическим языком партийного аппарата и государственных учреждений является русский язык. Хотя официальных государственным языком Азербайджана есть тюркский язык, никто на него не обращает внимания. В армии господствует русский язык. В большинстве высших школ преподавание ведется на русском языке. Попытки перевести преподавание в этих школах на тюркский язык вызвали жестокие репрессии. Помимо того, что русский язык является в высших школах языком преподавания, на обучение ему предназначено по 12 час. еженедельно.

Азербайджанский язык не только не является полноправным в стране, но даже не равен фактически в правах русскому языку, хотя последний

официально считается языком пришлым в Азербайджане. Благодаря тому, что весь партийный, государственный, военный, хозяйственный и научный аппарат находится в руках русских и вся работа ведется на русском языке, тюркский язык изгоняется из городов в села и постепенно изменяется в язык угнетаемого народа, который высказывает на нем свои бедствия в неволе.

Все протесты и выступления против руссификаторской политики Москвы, не поддержанные во вне, не дали результатов. В течении 16 лет большевистской оккупации как интеллигенция, так и весь азербайджанский народ неоднократно выступали против Москвы, открыто требуя восстановления в правах азербайджанского литературного языка, действительной национализации школ и государственных учреждений. Даже в рядах компартии и комсомола эти требования неоднократно находили свое отражение. Два года тому назад в некоторых высших учебных заведениях Баку приступлено было к преподаванию на турецком языке, но шаг этот встретил сильное противодействие властей, в результате чего многие профессора и др. работники просвещения были сосланы в Сибирь. „Научные авторитеты" Москвы выступили со своей известной „теорией" о том, что в сфере языка необходимо стремиться не к национализации, а к интернационализации.

Как известно, с 1926 г. Москва приступила к еще большему ограничению прав республик, входящих в состав СССР. Между прочим, она решила ликвидировать самостоятельные комиссариаты „союзных республик". Мера эта вызвала протест Азербайджана, Грузии и Украины. Представители упомянутых республик говорили, что во время созидания Советского союза революция находилась в опасности и поэтому в целях усиления мощи союза союзные республики пожертвовали рядом своих прав. Но сейчас опасность уже устранена и дальнейшее ограничение прав союзных республик является недопустимым. В ответ на это известный толкователь советского конституционного права проф. Бройдо в специальной статье заявил, что „советский федерализм является временным этапом на пути к полной централизации", а потому все протесты против ограничения прав отдельных союзных республик являются необоснованными.

Эти правовые основы введены и в сферу языка. Обозревая правовые нормы, регулирующие языковую политику Советского союза, известный советский юрист проф. В. Н. Дурденевский пишет: „Принцип равноправия языков, с вытекающим из него правом родного языка для всех граждан, и идея языка-связи — таковы основные начала, проводимые по языковому вопросу советским законодательством и являющиеся юридическим средством расчитки пути к слиянию наций Союза в культуре будущего". Таким образом, „право родного языка" не является абсолютным правом населяющих СССР народов и советское законодательство охраняет его лишь постольку, поскольку оно не препятствует правовым нормам быть „юридическим средством расчистки пути к слиянию наций в культуре будущего".

Характер же этой „культуры будущего" — известен всем. Она была представлена с достаточной откровенностью Сталиным на XVI-м с'езде компартии, где он заявил, что конечной целью т. н. национально-культурного строительства в СССР должно быть слияние всех национальных культур „в одну общую культуру с одним общим языком".

Никто уже не скрывает того, что эта „общая культура" является культурой русской, а „общий язык" — „языком Ленина" и „октябрьской революции", русским языком. Для оправдания этих положений советские „ученые" создают псевдо-научные теории, которые должны облегчить проводимую руссификацию.

Пользуясь тем, что международное общественное мнение привыкло к преступным методам советской действительности, большевики пытаются уничтожить исторические народы. Необходимо выступить против руссификаторской политики Москвы и разоблачить ее перед общественным мнением мира. Но этого не достаточно. Если это оружие способно будет замедлить темпы руссификации, то окончательно ликвидировать ее оно не в состоянии. Единственное оружие, способное спасти нас от уничтожения, — это национальная независимость. Для достижения ее мы должны приложить все усилия. Только национальная независимость даст нам спасение.

Юсуф Аксайлы

АУЛЫ ХУДОЖНИКОВ

На предстоящую всемирную выставку в Париже советское правительство предполагает послать и произведения кустарей-художников Северного Кавказа. Сообщая об этом, газ. „Северо-Кавк. больш." пишет:

„Изумительной радугой заблестят на выставочных витринах осетинские и дагестанские ковры, златокузнечные работы кубачинцев, инкрустации по дереву унцукульцев, орнаментированные гончарные изделия балкарцев и сулькентцев, цветные вышивки андийцев, костяные и разные изделия дагестанских мастеров и т. п."

Но намерение советского правительства отнюдь не является пионерским почином в деле международной популяризации кавказских художественных изделий.

На Востоке изделия эти уже издавна пользуются заслуженной славой. На Западе же попытка широкой популяризации была проведена в 1900 году, на тогдашней всемирной выставке в Париже, где художники-кустари одного только аула Унцукуль продали своих изделий более чем на 40 тыс. рублей. Как результат этого дебюта, в 1907 году появился капитальный труд французского ученого Мижона

(Migeon), посвященный художественным промыслам Кавказа.

Родиной художественного промысла на Северном Кавказе является Дагестан. Там же сосредотачиваются наиболее известные центры этого промысла: Кубачи — аул прославленных оружейников и ювелирных мастеров; Унцукуль—художников-деревообделочников; Ахты — искуснейших ковроткачих; Балхары—аул гончарок.

Кубачи, жители одноименного аула, называются иначе—сиргиранами. Оба эти слова означают: мастер кольчуг.

В истории сассанидского шаха Ануширвана (VI в.) уже упоминается о сиргиранах, а два древнейших арабских писателя: Белазори (IX в.) и Масуди (X в.) пишут о них, как о замечательных оружейниках.

Kubaçı ustalarından birinin el işinden bir örnek.
Один из образцов работы кубачинских мастеров.

В истории Тамерлана также говорится о превосходных стальных и железных изделиях кубачинцев. Передается, что в 1395 году Тамерлан, возвращаясь после разгрома Тохтамыша из Дешти-Кипчака через Дагестан, был встречен сиргиранами, которые передали ему множество кольчуг и броней.

Затем, сто лет тому назад, акад. Френ писал о кубачинцах в одном немецком журнале:

„Все они с давних времен и поныне искусные оружейники. В изделиях железных и стальных у них есть искусство и вкус, которыми они далеко превышают других горцев. Брони, ружья, сабли и другое оружие их работы в Персии и иных странах считаются превосходными. Они отличаются также в изделиях золотых и серебряных".

Многочисленные археологические раскопки, производимые различными экспедициями в районе аула Кубачи, подтверждают древнее происхождение искусства кубачинцев. Произведения кубачинцев как военного, так и чисто бытового характера распространялись не только по всему Кавказу, но и по стране Наири, Урарту, Вавилону и т. д.

В старину кубачинцы занимались, главным образом, выработкой предметов вооружения. Этот характер производства сохранен был ими включительно до времен Имамов.

За два года до появления упоминаемой выше статьи Френа, писатель Бестужев-Марлинский, отбывающий ссылку на Кавказе, писал, что кубачинцы не только прекрасные оружейники, но и оружейные изобретатели. При Имаме Шамиле они выделывали холодное оружие и ружья, а главное, подобно своим землякам унцукульцам, отливали пушки и снаряды к ним. Они же изготовляли знаменитые медали, которыми Шамиль награждал отличившихся воинов.

После окончания войны, русское правительство запретило на Кавказе выделку огнестрельного оружия. Уменьшился спрос и на холодное оружие, и кубачинцы стали уделять главное внимание ювилирному делу.

И в этой отрасли кубачинцы достигли высокой степени совершенства.

Кубачинец-гравер дает предпочтение серебру. Серебро — излюбленный и высокочтимый кубачинцами металл. К золоту они относятся с некоторым равнодушием, к железу и меди — с пренебрежением.

Если исходить из того, что искусство всякого народа имеет родство с иными и нет искусства, не имеющего этого родства, то и кубачинское искусство не может быть исключением из этого правила — и в нем имеются арабские и персидские влияния и даже влияние Индии.

Но вместе с этим, неутолимая потребность совершенствоваться, вечные поиски новых приемов, орнаментов и стилей—чрезвычайно характерная особенность кубачинских мастеров. Они творят, но не подражают и не копируют. Кубачинец—подлинный художник, любящий искусство и разбирающийся в нем.

„Любовь к старине—пишет Р. Фатуев*) – преклонение перед искусством древности—вот чем замечательны кубачинцы. Среди них есть и не мало подлинных искусствоведов, прекрасно разбирающихся в старинных тканях, в посуде, в резьбе, в насечке, в гравировке, умеющих безошибочно определить век предмета, значительность его в выполнении... Через их руки прошло несчетное количество предметов, единственных в своем роде. Они видели, имели и передали музеям: тарелки Тамерлана, Гамзата, Шамиля, светильники, персидские шелка, ковры. Гор-

*) „Дагест. сборник", 1935.

дость Дагестанского музея — предметы, произведенные и привезенные из Кубачи."

Замечательнее всего, что вершин ювилирной техники кубачинцы достигли весьма примитивным инструментарием. Но, зато, стоит видеть, как твердо и уверенно оперирует рука кубачинца, хотя бы, напильником, чтобы понять, какими виртуозными приемами владеет каждый из мастеров.

В настоящее время кубачинцы, как и все иные кустари на Северном Кавказе, соединены в артели и „переключены на массовое производство". Эта форма производства может не только стереть индивидуальные особенности отдельных мастеров, но и совершенно разрушить многовековые художественные традиции, которыми гордятся потомки славных „мастеров кольчуг".

Гораздо большие перемены внесло русское владычество в производство аула Унцукуль, который когда то также был одним из центров оружейного производства, соревнуясь в этой отрасли с Кубачи, как равно и с Чохом, Кумухом и некоторыми другими аулами Дагестана.

Из дневника полк. Руновского, состоявшего с 1859 по 1862 год при Имаме Шамиле в Калуге, мы узнаем, что Имам называл унцукульцев „известными мастерами оружейного и порохового дела". Знаменитый мастер Джабраил Хаджио, организовавший для армии Имама литье орудий, происходил из Унцукуля. Первоначально и сам завод находился в Унцукуле и только в последние годы Имамата был перенесен в Ведено.

С окончанием войны, когда — как пишет О. Марггграф*) — на Кавказ стало „ввозиться много фабричных изделий из Тулы и Варшавы в подрыв местным производителям Дагестана", унцукульцы от литья пушек, от изготовления пороха и оружия и от столь тесно связанного (на Кавказе) с оружейным делом ювилирного мастерства перешли к обработке дерева — вернее, к художественной насечке по дереву.

Техника унцукульской художественной насечки по дереву требует огромного терпения, выдержки и любви к делу. Проф. Пожидаев дал примерный подсчет движений, которые должен сделать унцукулец в процессе обработки инкрустированной трости, сотни которых продаются в магазинах Кавказа. Цифры таковы: в трость вставлено семь тысяч кусочков мельхиора; следовательно, мастер сделал резцом семь тысяч надрезов и уколов по дереву, семь тысяч раз втискивал в дерево металлическую полоску или проволоку, столько же тысяч раз резал металл ножницами „у корня" на поверхности дерева; четырнадцать тысяч раз ударял по насечке молотком (по два на каждую вставку). В итоге этих вычислений получается внушительная цифра — тридцать пять тысяч тонко рассчитанных движений и действий.

Унцукульцы выделывают палки, порт-сигары, спичечницы, мундштуки, трубки, пудреницы, кобуры для револьверов, декоративные ковши и т. д. Насечка делается из мельхиора, меди и серебра. До войны изделия унцукульцев распространялись далеко за пределами Кавказа; они в числе иных кавказских изделий были демонстрированы на выставке в Париже, а затем и в США, на выставке в Сен-Луи.

Не меньшего терпения и любви к делу требует и профессия ковровщицы. Часто и здесь трудно сказать, где кончается художник и начинается работница. А затем, каждый квадратный метр ковра — это месяц работы.

„Старинный узор дагестанского ковра — говорит А. Радин*) — включил все богатство кавказских красок. Тут и буйное цветение весны, и вечный снег, и неповторимая яркость трав".

Большевики вздумали было заменить этот узор т. н. техническими рисунками. Но рынок, в том числе и особенно заграница, не приняли большевистского нововедения. Победили традиция и подлинное искусство.

В прежнее время, начиная от шерсти, от самодельного приготовления пряжи, все приходилось делать самой мастерице. Это значительно утрудняло работу, но зато гарантировало высокое качество продукта.

Большевики и в этой отрасли ввели „рационализацию". В Ахтах и Терк-Кала работают ковровые фабрики. Сотни горянок оторваны от привычных условий родных сакель и вовлечены в обстановку английских мануфактур конца XVIII столетия.

Фабрика дает сырье, но узор, мастерство принадлежат по старому горянке, по старому яркие цвета старинных рисунков отражают творческий дух кавказской женщины.

И недаром многие узоры связаны с легендами. Вот, например, одна из таких легенд: Когда то одна девушка вязала своему возлюбленному ковер. Она хотела вложить в узор всю свою любовь, это должен был быть совершенно особенный узор. Девушка была искусная мастерица, она знала все рисунки, но ни один из них не подходил. Она спросила у леса — лес молчал. Спрашивала у диких зверей, но и звери не знали. Что же я буду делать, — сказала девушка и заплакала. Она плакала долго и слезы застыли в чудесном узоре. Вот этот узор из своих слез она и подарила своему возлюбленному.

Фабрика не успела нарушить всех древних традиций. Северокавказские ковроткачихи не признают еще искуственных красок. Их краски растут тут же: в северокавказских лесах и полях. Красноватые корни марены — это 7-8 оттенков красного цвета. Ореховая кора и ореховая кожура — целая гамма коричневого цвета. Сабза, придорожное невразчное растьеница, дает желтую краску. Кора яблони — это очень нежная желтая краска. И только синий цвет не найден на месте. Он доставляется импортированным из заморских стран индиго.

Говорят, фабрика не могла подобрать кармина. Табассаранские ковровщицы прислали пучок дикой травы, трава оказалась нужной краской.

В изящном орнаменте кубачинских златокузнецов, в тугих узлах ковра и стилизованных линиях его рисунка, в веселой игре красок балхарских керамических изделий — всюду видны высокая культура и тонкий вкус художника, творческий свет многовековой духовной жизни Северного Кавказа.

---

*) О. Марггграф — „Очерк кустарных промыслов Северного Кавказа", Москва, 1882.

*) „Сев.-Кавк. больш."

Из народной поэзии Северного Кавказа

У вод Аргуна

(Чеченская народная поэма — перевод и стихотворная обработка М. Домба)

Доломитовы горы, прорезав струей,
Вздымающей гребни валов,
В водоливе бездонном коварной змеей
Он бежит по грядам валунов...
Как сокол степной смертоносной стрелой
Голубке уносится вслед,
Так, гневом дыша, ревом ухо глуша,
Он несется в глубины лет...
Несравненный, могучий красавец Аргун!
Кто из смертных верно назвал
Эти толпы годов, эти тысячи лун,
Когда горы ты грызть начал?
И дрожит земля, сердце скал шевеля,
Обнажая плешины гор...
Там в русле прирос острогрудый утес —
Потоку докучный затор...
Над утесом другие бегут в вышину —
Шайтанов немые города.
И взбивает воды ледяной седину
Зубчатых порогов гряда...
Сверлом просверлил иль зубилом пробил
Аргун каменистую грудь?...
Но бессилен ум в напряжении дум
Проследить пугающий путь!
Там тисками теснятся гранитов столбы, —
Наковальни крепче замок,
Будто в схватке на смерть туров крепкие лбы
Бодают стесненный поток...
Как раненый зверь (мне, джигит мой, поверь),
Бьется в тесном плену река,
Но в об'ятьях скал свирепеющий вал
Вздымает лишь брызг облака.
Словно скачущий конь, раз'яренный поток,
Диким барсом визжа порой,
Из бушующей бездны черный песок
Взмывает влажной горой.
И смыкает глаз, будто сернистый газ,
Поднимающий пар бурун...
Сколько горя отцам, седым матерям
Ты принес, о черный Аргун!...
Между Башин-Калою и Уш-Кале
Злой шайтан когтями провел...
Место там в вышине на кремневой скале,
Где Аргун в ущелье вошел...
Ни устам рассказать, ни перу описать
Грозу обнаженных вершин,
Только собственный глаз, а не слабый рассказ,
Постигнет красоты стремнин.
В этом месте ужасном отважный прыгун
Головой ради чести рискнет,
Перепрыгнув над пропастью хищный Аргун,
Или камнем в пучину нырнет...
У края скала и гладка и бела,
Как чело мертвеца бледно...
Над безднoю вод сильный воинов род
Две башни поставил давно.
Эти башни под вихрем тлетворных годов
Устояли... и ныне стоят,
И сказания древних, минувших веков
В каждом камне тех башен звенят.
К башням путь позабыт. Между каменных плит
В жаркий полдень лишь змеи скользят,
Да опасной тропой проползет там порой
Пара малых наивных ребят...
Это было давно... в те седые века,
Когда русских не знали в горах,
К башням вилась тропа, но в ущельи река
Наводила на путника страх.
Ненадежен и прост гибко гнущийся мост,
Будто шашка „Терса Маймал",*)
Хрупко связан с землей, без перил над рекой
Над провалом звенел и дрожал.
Путник, мост перейдя близ башни одной,
Под стенами ее проходил,
По другому ж мосту, у башни другой,
Он к тропе над рекой уходил.
В этих башнях высоких и крепких, как сталь,
Семь братьев, семь хищных орлов
Стерегли днем и ночью утесы и даль,
Собирая подать с мостов.
Ни простой пешеход, ни с дружиной в поход
Направлявшийся смелый вожак,
Ни купцов караван, ни убогий чабан
Не могли избегнуть никак
Этой дани... Она непременной была..
Бесполезен был здесь задор...
Из бойницы со свистом летела стрела
И гасила дерзкому взор...
В те века лишь булат был закон,
Право сильного было судьей, —
Кто был слаб и убог, тот не смел и не мог
На обиду ответить стрелой.
Много было у братьев смертельных врагов,
Что стремились их погубить
И, в налете нежданном убив удальцов,
Власть в башне себе захватить.
На вражий привет был суровый ответ:
Тучи стрел встречали гостей...
С балконов текла с клокотаньем смола,
Сжигая тела до костей...
Стучали мечи о зерцала щитов,
Гремела смертельная брань...
Груды трупов летели в пучину с мостов
И река уносила дань...
Меж братьев одна, молода и нежна,
Обитала сестренка Зьезаг,
Незабудки нежней меж бесплодных камней,
Как звезда веселящая мрак.
Самострелов сплетала она тетивы,

*) „Терса Маймал" — „Ревущая обезьяна", редчайшее клеймо драгоценного булата, из разряда гибких клинков.

Пряла ткани одежд и ковров...
Но порой волновала красотку, увы!
Песнь без звуков, без струн и без слов...
И вздыхала Зьезаг, вздохи млели в устах,
Томной влагой блестели глаза
И рождался в груди призыв нежный: „Приди!"
И катилась, как жемчуг, слеза.
Как то вечер сиял ароматной весной,
Над Аргуном светила луна,
И в ревущей воде ее след золотой
Заметала сердито волна.
Затаивши печаль, взоры вперивши вдаль,
У окошка томилась Зьезаг.
Непорочную грудь волновали чуть-чуть
И надежда и сладостный страх.
„Гей — девченка!", промолвил, вдруг, брат Бердуко,
Грозных башен седой властелин, —
— „Ярко светит луна, недалеко река,
Ты возьми золотой свой кувшин,
По тропе опустись меж кустарником вниз,
И для трапезной нашей нужды
У скалы над рекой ты, привычной рукой,
Зачерпни нам студеной воды!"
„О, мне страшно, мой брат!" — девица в ответ, —
„Темен ночью глубокий провал,
Пляшут тени в кустах, полон призраков мрак,
Ветер воет вдали, как шакал!"...
„Не страшись, сестра, ты гибка и быстра,
Бояться нет вовсе причин...
Семь братьев с тобой... Возмутить твой покой
Не посмеют ни смертный, ни джин!
Так возьми-ж свой сосуд и беги за водой,
Блещет ярко на небе луна,
Приласкает тебя ее луч золотой
И вернуться поможет она!"
С кувшином в руках полетела Зьезаг
Стрелой, выбиваясь из сил...
Но в кустах над рекой кто то сильной рукой
Ее жадно в седло подхватил...
И раздался в ущелье молящий призыв:
„Братья, братья!... на помощь!... сюда!"
Но в ответ лишь Аргун смеялся шумлив,
И, как демон, ревела вода...
Затуманил покров голубых облаков
Хитрый взгляд белоглазой луны,
И угас ее лик, как обманчивый блик,
Погружая во тьму валуны...
А когда у моста поцелуем уста
Сжал красотке неведомый враг,
Будто птичка в когтях в молодецких руках
Молодая поникла Зьезаг.
„Злой проказник Аргун! ты всю тайну постиг!"
Как в бреду прошептала она, —
„Так скажи моим братьям, что в тягостный миг
Мне помочь отказалась луна!"...
С той поры проносилися тысячи лун,
Но скала неизменна стоит
И могучий, коварный красавец Аргун
Свои тайны как прежде хранит...
И суровые башни в потоке годов
Устояли... и ныне стоят,
И сказания древних минувших веков
В каждом камне тех башен звенят!..

Сырдон — неверящий сын Батага

(Отрывок из осет. нартовских легенд — перевод и стихотворная обработка А. Кубалти)

Смолкли песни. Над горою
Блещет яркий серп луны.
Взял последний ковш Ацамаз,
И ковши подняли нарты,
Ронга хмельного полны.
И сказал он, сын Ацая:
— „Эта чаша — в честь Сатаны!
Наш таинственный кумир
Ронгом пенистым и хмельным
Приготовила нам пир!
— „Эта чаша в честь баркада, —
В честь обилия плодов!
А баркад — сама Сатана,
Сой-Сатана дивной песни,
Дочерь нартов и богов!"
И Сатана вышла к нартам:
„Мой привет вам, гости пира!
Пусть в грядущем веселей
Будет праздник славных нартов!
Песни мужества и силы
Петь вам, нарты, много дней!"
И под песню: „Сой-Сатана"
Нарты мощные тогда
В честь Сатаны и баркада
Чаши выпили до дна!
— „Память вечная усопшим,
А живущим смех в удел",
Так закончила Сатана.
Лишь Сырдон стоит задумчив...
Он один лишь, сын Батага, —
Песен мужества не пел...
Улыбнулся сын Батага:
„Я не верю в эти песни...
Петь давно их перестал...
Я не верю, чтобы смуглый,
Полон сил земных и жизни,
В царстве мертвых побывал...
И не верю в это царство...
Был, конечно, и я моложе,
Верить был всему готов,
И Сосланом увлеченный,
Я искать ходил богов.
Говорил он, вдохновенный,
Когда баранов пас со мной:
— В блеске молний связь я вижу
Между небом и землей...
— В этом блеске ясно вижу
Искры славного меча
Курдалагона бога,
Что кует он для ударов
Разудалого плеча!
— В этом блеске ясно вижу
Цепь очажную семьи,
Нам ниспосланную Сафой, —
Богом брака и любви!
— В этом блеске ясно вижу
Смех и радость Фалвара
Или старого Афсати,
Нам для жертвы в час молитвы
Посылающих стада! —
И поднялись мы на гору
На крутой зеленый брег,
Где живут по слухам боги, —
Разыгралась там лишь буря...
Падал хлопьями лишь снег...
Или взять хоть песни наши
Про Батраза, Созрыко, —
Про рождение Сатаны,
Про меня, про духов разных, —
Ведь сплошное все вранье!
Или думаете, нарты, —
Что герои песен сих
Слышат их за гробом дальним?
Понимают мысли их?
Лишь четыре пальца смерил
Между ухом я своим
И своим же правым глазом!
Расстоянье небольшое, —

Все же в слухи я не верю,
Верю лишь глазам моим!"
И нахмурился Урызмаг...
„Если смолкнут эти песни,
И забудет их певец, —
Верь, неверный сын Батага, —
Что пришел и наш конец!
Мертвым песен сих не нужно
Не поймут, не слышат их...
Много в них и небылицы...
Как живительная влага —
Льются песни для живых!
Сотни лет живу на свете!
На моих глазах и горы
Стали ниже, и река
Не течет струею полной,
Как когда-то здесь текла!
Пусть послушно все здесь смерти,
Пусть скрываются в тумане
Боги светлые от нас, —
Или нет их, — и напрасен
Нашей к ним молитвы глас!
Пусть, неверный сын Батага, —
Нам удел ужасный дан, —
Не узнать сей жизни смысла...
Мой привет вам, — песни славы,
Окрыляющий обман!
Суждено ли нам погибнуть,
Перейти в незримый мир, —
Не забудут нас потомки!
Не забудут этих песен!
И греметь не перестанет,
Нарты, наш последний пир!"

НАРОДНЫЕ ПЕСНИ

В РУССКОЙ ТЮРЬМЕ

(Аварская)

Ночью волчий вой
За глухой стеной.
За железной дверью
Ходит часовой.

Ночь и день без сна.
Высока стена,
Не достать решетки —
Тусклого окна.

Если б цепь порвать!
Если б дверь сломать!
Если б аргамак мой
Подо мной опять!

Эй, тюремщик, спишь?
Точит камень мышь!
Ржа железо гложет
Кандалов и крыш!

Ночью волчий вой
За глухой стеной.
Шагом меря время,
Ходит часовой.

ТРЕВОГА

(Лакская)

Ветер на Кумух
Подул.
Месяц потух.
Уснул
Аул.

Месяц на горах
Блестит.
Чей карабах
Летит,
Не жалея копыт?

Казаки! казаки! казаки!
У реки
Коней
поят!
Режут ягнят!
У реки, у реки, у реки
Казаки!

Кони водой плеснули —
Не замутят
Воды.
Не проспят
В ауле
Беды!
Казаки! казаки! казаки!
У реки!

Месяц на суку —
Как повешенный.
Храпит
Карабах на скаку,
Летит,
Как бешенный!

Месяц на Кумух
Взглянул,
Пропел
Петух,
Влетел
Карабах в аул!
Проснулся
Аул,
Готовый к бою!

НАБЕГ

(Лезгинская)*)

На Самуре дождь и снег,
Дождь и снег.
Удальцы ушли в набег.
Долго, мать,
Нет вестей!
Не слыхать
Топота коней!
Тяжко ждать
Братьев, сыновей!

*) Кюринская.

Доткала я свой ковер,
Свой ковер.
Из-за гор до сих пор
Нет вестей.
Долго, мать,
Неслыхать
Топота коней!
Тяжко ждать
Братьев, сыновей!

БИТВА

(Лезгинская)

Ночь была светла, как день,
От блеска наших сабель!
Враг бежал,
теряя тень,
Как от волчьих стай олень —
От блеска наших сабель!

День чернее ночи стал
От крови с наших сабель!
Кони сбились, как обвал.
Враг бежал,
но настигал
Везде блеск наших сабель!

ВОЛК

(Даргинская)

Потяул из-за куста
Сладкий дух кутана.
Под камнями баранта
Спит у ног чабана.
Ночь беззвездная пуста.

Обсвистал собак пастух,
Кинул им об'едки.
Чтоб огонь в костре не тух,
Сгреб в него все ветки:
Искры вверх, как птичий пух.

Выгнуть спину, взвихрить шерсть,
В тьму зубами впиться
И, как праведная месть,
Кровью насладиться! —
Разве волк не должен есть?!

Кавказ в 1936 году

(Письмо из Турции)

Недавно судьба столкнула меня с одним иностранцем, побывавшим в текущем году на Кавказе. Мой собеседник знаком был с Кавказом еще перед мировой войной и поэтому, получив возможность посетить его вторично, мог с бóльшей свободой ориентироваться в сегоднешней действительности нашей Родины.

Желая поделиться с читателями „С. К." тем, что говорил мне мой собеседник, привожу наиболее интересные места из его рассказа, надеясь, что уважаемая редакция не откажает поместить это на страницах журнала.

Итак, первое, что бросается в глаза постороннему наблюдателю на Кавказе, это убогий внешний вид населения. На протяжении всего пути от Ростова до Баку нельзя встретить человека, одетого в обычные раньше черкеску, бурку и т. п. Всюду господствуют разнообразные лохмотья, среди которых наиболее приличный вид имеют особенно часто встречаемые старые солдатские шинели без пуговиц. На станциях уже не видно стройных силуэтов горцев в широкоплечих бурках и мягких чевяках, в папахах из прекрасного каракуля и с оружием в серебряной оправе. Не видно и грузных от привольной жизни казачьих фигур, одетых в перенятый от горцев кавказский наряд. Всюду серая толпа людей с землистыми лицами, сонно слоняющаяся по перонам станций.

Под стать этой толпе и станции. Прежняя чистота сменилась невообразимой грязью. Обильные раньше станционные буфеты блестят пустотой своих стоек. На многих больших станциях (Армавир, Махач-Кала и т. д.) нет совершенно багажных отделений — видимо, никто из советских граждан не нуждается в них. Нет уже и цветников перед станционными зданиями, исчезли и шумливые торговки с'естными припасами — непременная декорация кавказских станций в прежние времена.

Разрушенные во время революции станционные здания в большинстве случаев не возобновлены. От больших мастерских и складов на станции Гудермес не осталось следа. По всей дороге под открытым небом лежат горы зерна. На станции Беслан, например, мокло под дождем около 100 вагонов кукурузы; на многих станциях Южного Кавказа такая же картина наблюдалась с тюками хлопка.

Особенно запущенный вид имеют железнодорожные станции на Южном Кавказе. Здесь исчезли не только цветники, деревья, изгороди и т. п., но даже железные вышки, на которых железнодорожные служащие во время исполнения своих обязанностей скрывались от комаров.

На Северном Кавказе бросается в глаза пустота, которая царит во многих казачьих станицах, расположенных вдоль железнодорожного пути. Из окна вагона видны сотни разрушенных домов, покинутых жителями. Это — результаты принудительной коллективизации в 1931—32 г. г., которая в казачьих станицах произвела особенно сильные опустошения.

Вид кавказских городов также далек от идеала. Особенно угнетающее впечатление производит Тифлис, один из наиболее жизнерадостных раньше кавказских городов. Сейчас нужда зияет из каждого окна его домов, написана на лице почти каждого из встречаемых на улицах прохожих. В продолжении долголетнего господства большевиков, в Тифлисе почти ничего не создано нового. Самым крупным строительством являются новый мост на Куре и неоконченный бульвар. Построено также несколько новых зданий, в которых помещаются государственные учреждения. Несколько новых жилых домов заняты партийными сановниками.

О широких массах трудящихся никто не заботится. Рядовой обыватель по прежнему ютится в старых домах, давно уже переполненных до отказа и многие годы неремонтированных. Асфальтом снабжены всего лишь несколько улиц. Многие начатые постройки „законсервированы" из-за недостатка кредитов на их окончание, а рабочие уволены. Благодаря этому на улицах сплошь и рядом можно встретить безроботных, ходящих от одной постройки к другой в поисках работы. Зимой, несмотря на теплый климат Тифлиса, работы на постройках прерываются, в то время как в Москве, например, работы очень часто ведутся и в трескучие морозы.

Несмотря на близость двух „гэс'ов", „Загэс'а" и „Рионгэс'а", в Тифлисе чувствуется недостаток электрической энергии. Оказывается, в зимний период не хватает воды и электростанции могут выполнять лишь четвертую часть своей нагрузки. В связи с недостатком электроэнергии, не работают многие промышленные предприятия, а также прервано курсирование электр. поездов через Сурамский перевал. Власти приступили к спешному ремонту старых электростанций с целью дополнить мощь новопостроенных и не особенно удавшихся „гигантов".

Особенно тяжело положение сельских жителей. В Грузии, где урожай кукурузы с одного гектара доходил раньше до 35 квинталов, сейчас не превышает 15 — 16 квинталов. Огромные налоги в натуре изнуряют население. Во многих селениях в 1935 году плата за „трудодень" в колхозе равнялась 1 качану кукурузы в натуре и 60 коп. деньгами. В горных местностях платили еще меньше. Жители селений жалуются на недостаток хлеба, говоря, что хлеб они должны покупать в Тифлисе, выменивая его на доставляемые в город дрова. Но и эта форма снабжения не всегда доступна, т. к. леса принадлежат государству и разрешение на вырубку дров получить очень трудно.

На улицах Тифлиса очень часто можно встретить членов сельско-хозяйственных коллективов, ищущих работы. Когда их спрашиваешь—почему они не работают в своих колхозах? — то получаешь в ответ, что в колхозах они не могут заработать даже на уплату налогов, не говоря уже о пропитании. В их словах чувствуется жгучая ненависть к социальному порядку, установленному советским режимом. Характернее всего, что и порядок этот, и режим вообще отождествляются с Россией, в которой они видят источник всех несчастий.

Та же самая ненависть царит на всем Кавказе. Показательным является разговор с одним осетином из Северной Осетии, который уже несколько лет живет в Тифлисе. Он говорил, что горцы разорены высокими налогами и социальными экспериментами власти. Ни одно из племен Северного Кавказа не примирилось с господством России. Советский режим не внес в их судьбу никаких изменений. Их извечные земли на плоскости по прежнему находятся в руках русских — советская власть ввела в казачьих станицах колхозы и на этом закончилась земельная реформа. По его словам, на Северном Кавказе по старому неспокойно. В 1933 году вспыхнуло серьезное восстание, в результате которого горское население подверглось жестоким репрессиям.

О напряженном положении на Северном Кавказе свидетельствует и то, что проходящие через него поезда снабжаются вооруженной охраной, которая стоит у дверей вагонов от захода и до восхода солнца.

Урожай текущего года не сулит благоприятных перспектив. Первая половина зимы отличалась на Кавказе сухостью и теплотой. Во второй половине выпали дожди, а затем наступил мороз, который покрыл поля ледяным покровом. Весна и начало лета опять отличались засушливостью. Ясно, что истощенные, не удабриваемые поля не в состоянии будут в этих условиях дать сколь нибудь удовлетворительный урожай.

Общее впечатление, которое выносит об'ективный наблюдатель о сегоднешнем Кавказе, сводится к утверждению, что советский режим разорил население и страну. Ничто не свидетельствует о хозяйственном прогрессе. Наоборот, все говорит о предельной нищете, в которую повергнуты Кавказ и его обитатели.

Клыч Али.

Альманах писателей Карачая

Недавно карачаевским областным национальным издательством выпущен альманах произведений местных писателей. По этому случаю на страницах газ. „Сев.-Кавк. больш." появилась рецензия, написанная Омаром Алиевым, б. муллой, а ныне членом ВКП (б) и „культработником", игравшим в свое время какую то роль в т. н. комитете по унификации горских алфавитов. Рецензия достойна внимания постольку, поскольку написана „правоверным" коммунистом и потому рисует нам требования, пред'являемые к произведениям т. н. национальных авторов официальной советской критикой.

Выступая в роли литературного критика, Омар Алиев всячески старается быть „благонадежным". Наиболее ценным в альманахе является для него все то, что проникнуто оппортунизмом, что в точности отражает задания, поставленные перед „национальной литературой" московскими покровителями этой литературы.

„Наиболее крупным и ярким прозаическим произведением карачаевской литературы — пишет Алиев — является недавно опубликованный роман Аппаева Хасана „Черный сундук", отрывками которого и открывается альманах. В романе, в оригинальной художественной форме, показана борьба карачаевской бедноты с угнетателями - русскими и „м е с т н ы м и" к о р е н н ы м и н а ц и о н а л а м и, в л и ц е к у л а к о в и м у л л".

Алиев выражает особенное одобрение издателям альманаха за то, что они поместили „самое основное и интересное" из романа, т. е. те главы, в которых национальная борьба представлена в аспекте классовой борьбы — борьбы не только против угнетателей внешних, но и внутренних в лице „коренных националов — кулаков и мулл".

Советскую критику историческая правда не обязывает. Ради целей актуальной политики, эта правда, по ее мнению, д о л ж н а б ы т ь не только игнорирована, но и искажаема самым грубым образом. Для нее не суть важно, что в действительности „кулаки и муллы" могли играть роль обратную, им приписываемой, как это было, например, на Северном Кавказе, в частности в Карачае, где духовенство всегда являлось основой местного патриотизма и национальной борьбы. Важно лишь то, чтобы и художественная литература, издаваемая на языках угнетаемых народов, являлась проводником империалистических концепций, вырабатываемых в Москве для вящего укрепления русских великодержавных позиций.

Проза в альманахе, говорит Алиев, представлена исключительно выдержками из романа „Черный сундук". Остальное — поэзия. Требования к последней те же, что и к прозе.

„Среди карачаевских поэтов — читаем в рецензии — одно из видных мест занимает Байкулов Дауд. В альманах вошло 16 произведений Байкулова. Тематика их разнообразна. Поэт рассказывает в стихах о к л а с с о в о й б о р ь б е м е ж д у н а р о д н о г о п р о л е т а р и а т а, о д о с т и ж е н и я х с в о е й о б л а с т и, о п о б е д а х С о в е т с к о г о с о ю з а".

И далее:

„Вызывает по меньшей мере недоумение помещенное в альманахе большое стихотворение Иссы Каракотова „Кавказ". Стихотворение полно интересных описаний кавказского пейзажа, кавказской природы, н о с и д е о л о г и ч е с к о й т о ч к и з р е н и я н е в ы д е р ж и в а е т н и к а к о й к р и т и к и (замечательно! — Д.). Горцы в „Кавказе" выведены беззаботными охотниками, живущими под покровительством бога охоты Абсаты. Стихотворение полно общих идеалистических обобщений. П о м е щ е н и е е г о в а л ь м а н а х е — н е с о м н е н н а я о ш и б к а"

И в этой цитаде обличие советской критики представлено с достаточной яркостью. Видным поэтом Карачая она называет лицо, которое пишет на совершенно чуждые и едва ли понятные народу темы, но зато поэт, вдохновляемый родным кавказским окружением, попал в альманах в результате „несомненной ошибки".

Кроме этого, цитада характерна и вообще для всей советской издательской работы. Она поясняет нам, почему т. н. национальная литература, печатаемая в изобилии различными „нациздатами", представлена исключительно безнадежно-пошлой писани-

ной, восхваляющей советский режим и воспевающей „великого“ Сталина и пр. „вождей“. Все оригинальное, свежее и действительно художественное и национальное находится под запретом, лежит у авторов до лучших времен или же распространяется в рукописях, а если, паче чаяния, и попадает в печать, то только в результате „несомненной ошибки“.

Кроме оригинальных вещей, в альманахе имеется и ряд переводов с русского языка. Конечно, как всюду в подобных случаях, представлен в альманахе непременный Горький, имеется перевод лермонтовского „Демона“ и т. д.

Переводы не удовлетворяют Алиева, кроме перевода „Демона“, в котором сохранены „и рифма, и размер, и стиль“.

Но наиболее характерной в рецензии является следующая выдержка:

„Отдельные поэты Карачая пытались в своем творчестве подчинить карачаевский стих русскому классическому стихосложению. Эти попытки были неудачны. Многие из поэтов были слабо знакомы с русским классическим стихом, а главное — строй карачаевского стиха не вмешался в рамки силлаботонического стиха русских классиков. Среди этих экспериментаторов был и Уртенов (Азрет Уртенов — Д.) Он сумел создать новый стихотворный размер, сочетая русский классический стих с размерами карачаевских народных песен“.

Эта „удача“, заключает Алиев, говорит „о большом поэтическом росте Уртенова“. Видимо, для того, чтобы возбудить и в других карачаевских поэтах охоту следовать примеру Уртенова, творчество последнего в альманахе представлено наиболее полно. Ясно, конечно, что эта „похвала оппортунизму“ отвечает общим руссификаторским тенденциям советской власти, основной целью которых является руссификация языков угнетаемых народов.

„Интернационализация“ тематики в т. н. национальной литературе, искажение исторической правды, руссификация стихотворных форм и т. д. — все это входит в интегральный план по обрусению нерусских народов, который систематически реализируется Москвой с момента выхода ее за границы древней Московии.

Большевизм лишь усовершенствовал методы, сковал еще более крепкими цепями национальную самодеятельность покоренных народов, еще более ограничил возможность этих народов развивать действительно национальную культуру и противодействовать нивеллирующим влияниям с севера.

Рецензия Алиева является еще одним доказательством этой трагической действительности.

Догуж.

С‘езд партии „Мусават“

В конце июля сего года открылся с'езд Азербайджанской Народной партии „Мусават“, основательницы современного национально-освободительного движения Азербайджана. В с'езде принимали участие видные партийные деятели и представители партийных групп и организаций, находящихся в разных пунктах Ближнего Востока и Европы. С'езд, согласно присланного нам для опубликования отчета, прошел следующим образом:

Доверие партийному руководству

Выслушав доклад генерального представителя и лидера партии Мехмед Эмин бея Расул-Задэ о деятельности и участии партии в национально-освободительном движении Азербайджана, с'езд единогласно солидаризировался с генеральной линией проводимой испытанным кадром партийных деятелей, неустанно работающих над трудным делом восстановления потерянной независимости Азербайджана, как члена будущей Кавказской Конфедерации.

Одновременно с'езд солидаризировался с тактикой партийного руководства, высоко ценящего значение союза порабощенных российским империализмом народов в борьбе с общим врагом и тесной связи со всеми порабощенными российским империализмом тюркскими народами, с которыми Азербайджан имеет специфические культурные взаимоотношения.

Пересмотр программы

С'езд, пересмотрев партийную программу, редактированную в 1919 году, принял основы новой партийной программы, состоящей из двух частей. В первой части устанавливаются идеологические базы партии, а во второй — основные принципы программы-минимум. По своим идеологическим базам партия „Мусават“ является представительницей азербайджанского патриотизма и, как таковая, считает своим историческим долгом об'единить освобожденный Азербайджан в конфедеративный союз с другими кавказскими республиками.

Служа политическим идеалам азербайджанской нации, как народа тюркской культуры, партия высоко ценит культурные взаимоотношения тюркских народов, в чем черпает силы в борьбе с руссификаторской политикой российского империализма во всех его проявлениях.

В области-же социальных взглядов партия придерживается принципа солидаризма, стремящегося примирить общественные интересы с интересами личности и национально-государственного суверенитета с правами отдельных или группы граждан. Партия, стоя на точке зрения национального единства и общественной солидарности, в корне отрицает господство одной какой либо части населения над другими частями общества. Не борьба, а примирение классов, образующих одну и ту-же нацию — является основой социального мировоззрения партии.

Исходя из этих основных положений, партия требует восстановления потерянной независимости Азербайджана; реализации пакта Кавказской Конфедерации, опубликованного в 1934 году; денационализации мелкой промышленности; отнесения всех земель в государственный фонд и наделения крестьян землей в достаточном размере, причем земля переходит в собственность земледельцев; крестьянин является полным хозяином продуктов своего труда. Торговля свободна. Частная собственность признается. Государство опекует как крестьянский труд, так и мелкую промышленность. Крупные промышленные предприятия управляются или государством или-же общественными учреждениями... Партия поддерживает систему участия рабочих в прибылях промышленных предприятий и заинтересования их в экономическом и техническом управлении фабрик и заводов. Рабочее законодательство должно обеспечить рабочим нормальные условия труда, обычные в передовых странах Европы.

Целью народного образования партия считает воспитание граждан, вооруженных современной наукой и техникой, преданных тюркской культуре, национальной истории, идеи независимости и высоко ставящих идеалы свободы и общечеловеческой цивилизации. Правосудие, по новой программе, ставит себе целью воспитать граждан, как полезных и достойных членов общества.

Тактические вопросы

С'езд, выслушав специальные доклады по вопросам внешней и внутренней политики, принял определенные тезисы. В тезисах по внешней политике дается анализ пере-

живаемого момента. По этому анализу напряженное международное положение рассматривается, как предвоенная полоса, где мир разделен на два враждебных лагеря, готовые, если не сегодня, то завтра ринуться друг на друга. Враждуют две системы и две идеологии. С одной стороны коммунизм, а с другой — национализм. Большевизм, принужденный маневрировать перед сопротивлением национальной революции как на Западе, так и на Востоке, усиленно готовится к войне; маскируясь пацифизмом, в действительности советская власть всеми способами готовится к войне и исподтишка гнусным образом провоцирует ее. С'езд считает войну неизбежной, как равно неизбежно участие в войне советского правительства. Порабощенные российским империализмом народы ждут момента, когда разобьются связывающие их оковы неволи.

Исходя из всего этого и желая использовать момент, в интересах национальной борьбы С'езд устанавливает следующие основы партийной тактики в области международной политики:

1 — Разоблачить фальшь советского правительства, выдающего себя за поборника пацифизма и на словах начинающего выступать с ложно-демократическими лозунгами. Выявить перед народными массами как внутри, так и во вне настоящую сущность сов. пра-ва, работающего против всеобщего мира, со всей энергией готовящегося к войне и исподтишка, путем гнусных интриг, подстрекающего народы на кровавые конфликты. В целях наибольшего успеха в этой разоблачительной работе поддерживать связи со всеми международными об'единениями и организациями, борющимися как с большевизмом, так и русским империализмом.

2 — В принципе признавая войну нежелательным явлением, способным вызвать всеобщую катастрофу, партия, однако, перед совершившимся фактом войны, согласно правила „враг моего врага является моим другом", отдаст свои симпатии международным силам, стоящим в противном Советам, врагам нашей Родины и узурпаторов нашей независимости, лагере. Степень-же нашей симпатии в отношении этих сил будет находиться в прямой связи со степенью их положительного отношения к нашей проблеме и к нашим национальным интересам.

3 — Азербайджанская проблема — это проблема международная. Популяризация этой проблемы перед общественным мнением всего мира, путем вхождения в связь с общественно-политическими кругами и через мировую прессу, — служит основной задачей партии. В этом отношении соответствующие органы партии должны проявить еще большую энергию, чем это было до сих пор. Эту пропаганду особенно следует усилить в странах, которые по своим политическим позициям и национальным интересам, а также идеологическим базам находятся или могут находиться в будущем во вражде с Советами.

4 — В целях успешного ведения этой борьбы, необходимо в наших международных сношениях исходить из факта политического единства Кавказа и укрепить убеждение, что это положение усвоено кавказцами искренно и что вне Кавказской Конфедерации они не представляют себе спасения.

5 — Специальное внимание следует уделить пропаганде азербайджанской проблемы и идеи Кавказской Конфедерации в соседних и братских странах — Турции и Персии и раз'яснять значение независимого государства Кавказа для собственных интересов этих стран, с точки зрения будущих опасностей, грозящих им со стороны России.

6 — Принимая во внимание культурные взаимоотношения и специфические условия в борьбе с российской экспансией, иметь тесный целевой контакт со всеми тюрко-мусульманскими народами, порабощенными Россией, и в известных конкретных случаях иметь с ними общие выступления.

7 — С еще большей энергией укрепить связи со всеми порабощенными русским империализмом народами, об'единенными в „Прометеевском фронте".

В другом докладе, аналогичным способом анализируя этапы борьбы азербайджанского народа с оккупационной советской властью и по выяснении настоящего характера и демагогических целей т. н. реформаторского курса советской политики, С'езд утверждает следующий перечень требований в области внутренней политики:

1) Требовать эвакуацию Азербайджана русской армией и выхода его из Советского союза; восстановления полной независимости Азербайджанской республики и вхождения ее в Конфедеративный Союз с другими Кавказскими республиками.

2) Тюркизацию государственных учреждений.

3) Установления полной и подлинной демократии.

4) Прекращения политики разделения Азербайджана на искусственно выращенные народы.

5) Прекращения русской иммиграции и колонизации страны.

6) Прекращения экономической эксплоатации Азербайджана и восстановления его полной хозяйственной независимости.

7) Признания за крестьянством права собственности на землю и хозяйственную свободу.

8) Независимость и национализацию азербайджанской армии.

9) Отказа от политики руссификации азербайджанского языка и восстановления общего для всех тюрков литературного языка.

10) Тюркизацию всех низших, средних и высших школ; из'ятия из школьных программ преподавания русского языка, истории и литературы.

11) Преподавания в азербайджанских школах национальной истории, литературы и географии не с классовой точки зрения, а национальной.

12) Популяризировать идею кавказской солидарности и укрепить в массах сознание необходимости осуществления идеи Кавказской Конфедерации, как наилучшего залога успеха национальной борьбы.

13) Надлежащим образом ценить культурную общность порабощенных Советским союзом тюркских народов и поддержать их стремления в направлении этой общности.

14) Раз'яснить народу значение „Прометеевского фронта" и тесного союза с порабощенными российским империализмом народами, образующими этот фронт.

15) Принимая во внимание провокационную политику большевиков и пагубность необдуманных выступлений, призвать народ и борющиеся силы не поддаваться провокации, обдумывать всякий шаг и воздержаться от преждевременных выступлений, осторожно и уверенно работая над излечением тяжких ран, нанесенных народному телу многолетней неравной борьбой, и над собиранием новых сил для борьбы, необходимых в будущем.

Партийный юбилей

Открытие С'езда совпадало с 25-летием основания партии, что решено было ознаменовать изданием книги, посвященной истории деятельности партии за 25 лет. Одновременно С'езд решил учредить специальный юбилейный значек и наградить им как лидера, так и двух находящихся в живых учредителей партии, по адресу которых С'езд устроил шумную овацию. Решено также отметить память покойного Таги-Наги, члена первой нелегальной партийной тройки. Присутствующий на С'езде другой член этой-же тройки поделился со С'ездом своими воспоминаниями подпольщика, производя на него сильное впечатление.

Закрытие С'езда

Рассмотрев ряд организационных вопросов, пересмотрев партийный устав, С'езд установил состав центрального органа партии за границей (Диван) и в завершении своей работы постановил выступить со специальным воззванием, призывающим азербайджанский народ к дальнейшей борьбе, и с приветствием всем самоотверженным борцам, высоко держащим знамя борьбы за высокие идеалы азерб. народа, которым служит и партия.

KÜÇÜK HABERLER — ХРОНИКА

KAFKASYA HABRELERİ—ВЕСТИ С КАВКАЗА

İSTİLÂYE KARŞI MÜCADELE ZAYİFLAMİYOR

Dahiliye komiserligi (sabık G.P.U.) nin askerî kuryesi Grigori Protsko, bu yılın ilk baharında Gudermes'de öldürülmüştür. Öldürenler Başir Hasanof ve Muhammed Gireyev nam iki kişidir. Katil üzerine Dahiliye komiserliği müfrezeleri takıbata başlamış ve bu esnada vuku bulan atışmada Beşir Hasanof ölü düşerek, yaralı Muhammed Gireyev yakalanmıştır. Gireyev iyileştikten sonra ülke mahkemesinin kararile Suyunc—Kala'da idam edilmiştir.

Vatanseverlerin kanı, Şimalî Kafkasya'da eskide olduğu gibi bol bol akmaktadır.

ACARİSTAN'DA KÜRTLER

1935.27.IV tarihli „Pravda" gazetesinin bildirdigine göre, Acaretiya'daki Kahaber düzünde teşkil edilen „ilk kürt kolhozu" bu yıl bitmiştir. Kolhoza „26 Bakû komiserleri" ismi verilmiştir. Gazetenin yazdığına göre, „Kürtler, darbeli surette kendi ilk kolhoz baharlarını geçirmektedirler."

Malûm olduğu üzre Kafkasya'da 30 bin kadar kürt olub, bunlar da Kafkasya'nın daha fazla garb kısmında bulunan ve dogrudan dogruya Türkiye hududunda olan Acaretiya'da değil şarkta – İran hududunda meskûndurlar.

Her halde, dikkati çeker ve bilinmesi meraklı bir hadisedir: kürtlerin şarkten garbe, İran hududundan Türkiye hududuna köçürülmesine neden lüzum görüldü ve sovyet talimatcılarının icbarî talimatlarile kürtlerin yaptığı bu „darbeli iş" neden ibarettir?!...

SOVYET HAYATININ „TEFERRÜATI"

Şimalî Kafkasya sovyet gazetelerinin Mayıs sayılarından aldığımız ve sovyet hayatını karakterize eden bir kaç fıkrayı aşagıya naklediyoruz.

* * *

„Biz gece gec vakıt yetiştik. Şehir karanlığa boğulmuştu. Elektrik sönmüş, tramvaylai şehrin muhtelif yerlerinde hareketsiz kalmışlardı. Otobus, taksi, araba gibi nakliyat vasitalarından eser bile yok. Yeğanç çıkar yol yayan yürümektir.

„Bristol" otelinin ışıkları gözüküyor. Nihayet, çoktan özlediğimiz sükût ve istirahat. Nöbetçinin penceresi önünde bu ayaktan öteki ayağa dayanan bir kaç adam durmuş.

— Lütfen — bir oda!

Nöbetçi istemiyerekten:

— Odamız yok.

diyor ve hemen soruyor, ki:

— Siz kimsiniz?

— Yâni nasıl kim?! Ben — sovyet vatandaşı.

Nöbetçi melankolik bir sesle

— A!

dedikten sonra:

— Odamız yoktur.

diye tekrarliyor.

— Belki umumî yatakhanede bir yer bulunur?

— Bilmem. Zannedersem yoktur.

— Peki kim bilir? Sokak ortasında yatamayız ki.

Ögreniyoruz, ki kim ise boş yer „aramağa" gitmiş. Bir az sonra „dört kişinin burakıla bileceğini" haber verdiler. Halbuki bekliyenler daha fazla idi. Otelin sakallı kapıcısı bizi teskin ederek diyordu, ki:

— Vatandaş, siz merak etmeyiniz. Sokak ortasında yatmazsınız. Şimdi bir yoldaş gelecek, o sizi hemen yerleştirir. O her şeyi yapar. Bu „her şeyi yapar" yoldaş yanımızda imiş. O ciddî bir tavurla nereden geldiğimizi ve ne kadar müddet kalacağımızı sorduktan sonra tarifeyi bildirdi: tek oda on ruble, umumî yatakhane altışer ruble.

— Yalnız on dakıka bekleyiniz. Belki başka istiyenler de vardır, hem birden yapalım...

Hususî otel tam yanı başımızda imiş. Ev sahibesi de bizi dellal gibi sorğuya duttu ve nerden ve niçin Piatigorskiye geldigimizi sordu ve, pasaportla parayı aldıktan sonra karyolamızı gösterdi. Odada bir başkası daha yatıyordu. Ev sahibesi cığara içmemeyi ihtar etti. Küçük bir odada dört karyola vardı. Yatak çok da temiz değildi Fakat ne yaparsan!

Sabahın saat dokuzunda ev sahibesi sandalyaları yıkarak pencerelerin perdelerini açtı, komşu odaya giden kapıyı açtı ve saatı bildirdi. İşaret belli idi: çok yatmışız, yeter.

Ertesi gün otel nöbetçisinin penceresi önünde dünkü konuşmalar tekrarlandı. Bu defa tâlimiz güldü. İki saat bekledikten sonra nöbetçi otelin umumî yatakhanesine bir kaç kişi buraka bileceğini bildirdi. Biz yukarıya kalkarken kapıda kalanlar kapıçının tyvsiyesile o „her şeyi yapar" yoldaşı aramağa gittiler.

Girdığimiz odada 21 karyola duruyordu. Bunlardan on üçu boştu. Ve sabaha kadar boş da kaldılar. Bunlar meşğulmu idiler ve 13 adam birden sözleşübmi gelmediler? Zannetmem. O halde kapıda bekliyenleri niçin içeri almadılar?

Bütün gece sabaha kadar akla gelmiyen şeyler oluyordu. Yatmanın imkânı yoktu. Bir tarafta gürültü, başka bir tarafta şarkı söyleniyor ve münakaşa yapılıyordu. Odanın içerisinde, masa ve sandalyalar üzerinde kedi büyüklügünde fareler dolaşıyordu. Birisi ışığı yaktı. Kim ise ayak kabısını farelere fırlattı. Fakat nafile.

Fareler bir kaç dakika için sustuktan sonra yeniden işlerine başlıyorlardı.

Uykusuz geceden sonra herkesin yatmakta olduğu bir zamanda, erkenden hizmetçiler geldi. Başka yerden gelmiş bir aktör sıkılmadan yorğanla ayak kabılarını temizliyordu. Komşusunun hayret dolu nazarlarını görünce, mudafaa kabilinden olarak dedi, ki: „Bilirmisiniz, böyle yerde insan terbiyesiz olmak istiyor."

Odada kül kabı (cıgara tabelası) namına hiç bir şey yok Anlaşılan burada içmek yasak. Halbuki herkes içiyor ve bu hali gören hizmetçilerle mes'ul nöbetçi kimseye bir şey söylemiyor. Biz acele geyinib kaçmağa çalışıyorduk...

Otel — Şehrin kapısıdır. Onlarla, yüzlerle adam: şahsî ve umumî olmak üzre muhtelif işler için kendi ölke merkezleri olan şehre geliyorlar. Sovyetler birliginin bin kilometrolarla uzak şehirlerinden sıhhatlarını tamir için buraya yüzlerle adam geliyor.

Bütün bu adamlar otel tarikile şehre „giriyorlar". Şehir bunları kabul edib kendilerine âzemî istirahat temin etmelidir. Bizde ise ne oluyor? Şehrin yegâne oteli olan „Bristol" çoktan otellikten çıkmıştır. Umumî yatak evlerinin en fenası, en berbadı — işte „Bristol" bugün böyledir.

En büyük şehirlerin gıbta edeceği otelin lokanta kısmı üçüncü dereceli bir meyhaneye çevrilmiştir. Hele müşterilere olan alaka şayani dikkattır. Saatlerce oturub beklersen, gene sana kimse yaklaşmaz. Sıcak yemek yerine souk, souk yemek yerine sıcak yemek verilir. İtiraz ettinmi tahkir ederler.

Her adımda göze çarpan ve büyük bir ölçüde inkişaf etmiş olan şey — zorbalık, kabalık, hayasızca bahşiş bekleme, gelenlerin istirahatı için hiç bir tedbir alınmaması v s. v.s. dir.

„Memnun olunuz, ki buraya sizi burakmışlar" — işte eşittigin söz budur.

Ölke merkezi ve sayfiye şehri olan Piatigorskide vaz'iyet budur. Başka sayfiye şehirlerinde daha eyimi sanki. Bu vaz'iyet bütün başka şehirlere, ilk sırada Kislovodski ve Maden Suları şehirlerine de aiddir.

Şehir teşkilatlarının yüzünden bu şehirlerde insan „şehir dışarısında kalıyor. („Şimalî Kafkasya bolşeviki").

* * *

„Yalnız aşağı teşkilatlardaki alelâde komünistler arasında değil, rayon merkezindeki aktifler arasında dahi passifler varmış. Müddei umumî ve ayni zamanda propagandist olan Baykulof bu passiflerden biridir. Onunla

musahebe esnasında temamile cahil olduğuna kani oldum.

Soruyorum:

— Mütekabil yardım hakkında kiminle muahedemiz var?

Cevab veriyor, ki:

— İtalya, Amerika ve İngiltere ile.

— Fransa ile yokumuzmu?

— Elbette yok. En amansız düşmanımız o değilmi, ki zaten.

Mongolistan hakkındaki başka sorğuma uzun düşünceden sonra böyle cevab verdi:

— Zannedersem kapitalist bir memlekettir? Başka bir şey diyemem.

— Diversant ve kontrabandist ne demektir? Sorğusuna müddeiumumî Baykulof şöyle cevab veriyor:

— Diversant — yâni kommersant, kontrabandiste gelince, bu kelimede „banda" sözü olduğuna göre, kontrabandist — banditler (haydudlar) demektir.

Işte bu „propagandistin" malumat seviyesi." („Şim. Kafk. bolşeviki"— Digor rayonu komünist teşkilatı kâtibi Zaurbek Ramonti'nin makalesinden).

* * *

Sunc-Kala'dan mektub göndermek bir mes'eledir. Yarım ay var, ki posta idarehanesinde zarf yoktur. Kitab ve kırtasiye magazalarında dahi bulamazsınız.

Bu zarf mes'elesi bütün şehri heyecane salmıştır. Rahatlarını bozmıyanlar yalnız bu mes'ele ile meşğul olmaları icab edenlerdir.

Plan üzerine Sunc-Kala her kvartalda 90.000 zarf almalı iken ölke irtibat idaresi yalnız 30.000 gönderiyor, yâni üç defa az.

Sunc-Kala şehrinde zarf yoktur. Onu nahiye, köy ve kolhozlarda dahi bulamazsınız. Çeçeno İnguşetiyada mektub göndermek imkânsız bir iştir. („Sim. Kaf. bolşeviki")

* * *

„Vatandaş K. hanım, devlet ticareti ve kooperatifi klubu yanındaki millî tiyatro idarehanesini ziyarete ihtiyac duymuştur.

Klub binası etrafını dolaştıktan ve girecek bir yol bulmadıktan sonra (çünkü kapılarda kilid asılı idi) o durdu ve yolun nerede ola bileceğini düşünmege başladı. Pencereden ona seslendiler:

— Vatandaş, nereye gitmek istiyorsunuz?

— Ben tiyatro müdürünü görmek istiyordum.

Pencereyi açan adam anlattı, ki:

— Tiyatro memur ve ziyaretçilerine klubun kapıları kapalıdır, oradan girmeğe müsaade edilmiyor.

Klub müdürü millî tiyatro idarehanesini işğal ettiği iki odadan çıkarmak için bu tedbire müracaat etmiştir. Şehir şurası ya millî tiyatro müdürlüğüne bir yer vermeli, ve yahud klub müdürlüğünün bu hakaretine son koymalıdır" („Grozni işçisi").

MUHTELİF HABERLER

— Dağlı milletlerden müteşekkil hususî süvarî brigadası kumandanlığına brigada komandanı türküstanlı Mir-Kâmil Mir-Şarapof tayin edilmiştir. Bu yeni vazifesine kadar Mir-Şarapof 6 ncı Özbek dağ süvarî fırkasının kumandanı bulunuyordu. Aslen seyid olmasına rağmen Mir-Şarapof katı bir komünistir. O dört sovyet nişanı ve bir de altın saat almıştır. Saatın üzerinde şu sözler yazılıdır: „Sosyalist vatanın düşmanlarına karşı savaştaki kahramanlığa göre". Mir-Şarapof Cuneid han, İbrahim Bey ve başka isyançılara karşı seferde iştirak ederek gerek dinç ahalile, gerekse esir alınan isyançılarla vahşiyane muamelesile tanınmıştır.

— Bu yıl, Sayat-Nova adile tanınmış Kafkasya halk aşığı Arutyunofun ölümünün 140 nci yıl dömüdür. Milliyet itibarile ermeni olan Sayat-Nova ermenice ile birlikte gürcü ve azerice ile de eserler yaratır ve bu suretle bu üç milletin tarihî kültürel birligini temsil ederdi. Onun bâzi eserlerini V. Bryusof ruscaya çevirmiştir. Sayat-Nova eserlerinin sovyet rejimile „mânevî yakınlığını" iddia eden sovyet „kültür işçileri", Tiflis devlet opera tiyatrosunda tertib edilecek bir müsamere ile Sayat-Novanın hatırasını ta'zize karar vermişlerdir.

— „Molot" gazetesi, Tul (sabık Maykop) nahiyesinin Hacoh istasyonundan 20 km. mesafedeki Dahov granitlerinde bakır, kurşun ve çinko madenleri keşfolunduğunu yazmaktadır. Bu madenlerin ayrı-ayrı külçeleri 1 metro muk. nde imişler ve Sibir nehri boyunca bir kilometroluk bir mesafe işgal ediyormuşlar. Maden parçaları fennî tetkık için getirilmiş ve tetkikat neticesinde yeni madenlerin sanaî ehemmiyeti teyid edilmıştir.

— „Şimalî Kafkasya bolşeviki" gazetesi de yeni maden keşfini haber vermektedir. Gazetenin yazdığına göre: „Songuti—dona nahiyesinde altın, molibden, volfram, mışyak, vismut, gümüş, kobalt ve kassiterit gibi zengin madenler bulunmuştur. 1937 nin başlarından itibaren bu madenlerin bulunduğu mahallin araştırılmasına başlanacaktır."

„НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ЛЕНИНА-СТАЛИНА" НА ПРАКТИКЕ

В одном из последних номеров „Грозн. раб.", в отделе „писем в редакцию", напечатаны нижеследующие два письма:

„На парафиновом заводе работает немного чеченцев. Некоторые из них уже выдвинулись на самостоятельную работу. Так Джамбулатов поступил на завод котлочистом, теперь работает машинистом воздушных компрессоров.

Но все же на заводе нет большевистской заботы о закреплении и выращивании национальных кадров. Массовая работа среди чеченцев проводится от случая к случаю. Интернациональное воспитание рабочих поставлено плохо.

Джамбулатов живет в очень скверных жилищных условиях, часто он спит на скамейках в ожидаловке завода. Все его заявления дирекции завода и в завком о предоставлении ему квартиры остались безрезультатными.

Отдельные работники завода грубо относятся к националам. На заводе имели место шовинистические вылазки, которые прошли мимо организации.

Недавно в буфете завода продавались папиросы „Дон". Подходит к буфетчице десятник Волков и заявляет: „не продавайте чеченцам папиросы, эти звери все скурят".

Это гнусное заявление было сделано в присутствии члена завкома. Однако махровый шовинист Волков никакого отпора не получил.

Бригадир Качанов, придя в машинное отделение, стал обзывать рабочего-национала т. Яшулькаева всякими грязными словами.

Все эти факты говорят, что на парафиновом заводе не ведется решительной борьбы с враждебными элементами. Интернациональное воспитание рабочих поставлено из рук вон плохо.

Партком и завком гнило-либерально относятся к вылазкам шовинистов. Д-ов.

* * *

Директор Чечингоблзаготконторы тов. Суровягин предложил зав. картофельным складом в г. Орджоникидзе тов. Исмаилову отремонтировать пункт по приемке картофеля. Исмаилов это распоряжение выполнил, а Суровягин утвердил расходы по ремонту.

Но вскоре зам. директора заготконторы Кузьминицкий подписал приказ: „Исмаилова Шамиля за незаконный ремонт снять с работы". Создается конфликт. Заседает МРКК. Часть присутствующих, плохо понимая русский язык, хочет, чтобы распоряжение Суровягина было переведено на чеченский язык. Все согласны, только один Кузьниницкий возражает, заявляя: „Я вам запрещаю разговаривать на своем языке в моем присутствии".

Подобный случай возмутительного поведения и Суровягина и Кузьминицкого не является единичным. И тот и другой приняли все меры, чтобы закрыть доступ в свое учреждение националам „Вы кто по национальности?",—вот их первый вопрос при приеме на работу каждого нового работника.

Чтобы отделаться от Исмаилова, Суровягин и Кузьминицкий предлагали ему подать заявление о добровольном уходе с работы „по болезни".

Иваркиев.

К той же серии документов, иллюстрирующих „благодетельные" результаты „ленинско-сталинской национальной политики" относятся и следующие заметки, заимствованные нами также из „Грозн. раб.":

„Дирекция грозненского пивоваренного завода об'явила, что ей требуется товаровед, агент-экспедитор, счетовод и картотечик.

Прочитав это об'явление, я пошел на пивоваренный завод и предложил свои услуги в качестве агента-экспедитора. Директор мне сказал, что такой работник уже принят. Через несколько минут пришел другой человек на эту же должность. Его приняли с распростертыми об'ятиями.

Мне известно, что грозненский пивоваренный завод не выполняет директив партии и советской власти о создании пролетарских кадров из местного коренного населения. И невольно напрашивается вопрос, почему меня—чеченца, не приняли на работу, когда штат завода не укомплектован?

Сулейманов.

* * *

В первом квартале этого года из предприятий треста Грознефтезавода ушло 340 чеченцев и ингушей. За это же время было принято 344 человек.

Во втором квартале только по четырем предприятиям (стройконтора, 1-й нефтеперегонный завод, механическая мастерская и авто-гужтранспортная контора) уволилось 200 чеченцев, а принято 269. Текучесть по тресту значительно выше, чем в первом квартале.

Эта текучесть национальных кадров вызвана прежде всего невнимательным отношением директоров заводов к их закреплению.

Отдельные руководители не прочь даже похвастаться своими успехами по коренизации. Так, директор авто-гужтранспортной конторы (АГТК) тов. Тимофеев считает, что у него с коренизацией благополучно; на 1 января было 86 чеченцев и ингушей, а сейчас—92.

Тов. Тимофеев пытается спрятаться за средние цифры. Во втором квартале уволилось из конторы 46 чел., а принято 52. Спрашивается: где же тут забота о коренизации и есть ли она в действительности? Почему большинство националов работает грузчиками и чернорабочими?

Отсутствие большевистской заботы о воспитании национальных кадров, неумение или нежелание повышать их квалификацию привело к тому, что на половину изменился состав работников-националов в автотранспортной конторе. Руководство конторы не обеспечивает националов жилой площадью, многие из них живут в Алдах. Это вызывает большую текучесть национальных кадров.

* * *

В областной поликлинике существует странный порядок приема больных-националов (чеченцев и ингушей).

Каждый посещающий поликлинику чеченец или ингуш, не владеющий русским языком, должен приводить с собой переводчика. Иначе к врачу не попадешь. Обслуживающий персонал в таких случаях заявляет: „Толмач дац—лор дац" (переводчика нет—врача нет).

26 июля при мне сестра Полторацкая отказывалась пропустить к врачу двух колхозниц-чеченок, пришедших без переводчика. Неужели она не могла пригласить кого-нибудь из сотрудниц-чеченок?

Поликлиника именуется: „Чечено-Ингушская областная", а чеченцу и ингушу, не знающему русского языка и приходящему без переводчика, отказывают в медпомощи.

В регистраторе я не видел ни одного работника-национала, а там именно и надо было иметь его. Кроме того, надо ввести в штат поликлиники переводчиков и переводчиц, чтобы больной колхозник-национал мог ясно и толково об'яснить врачу, на что он жалуется.

Пациент.

Наконец, „Растдзинад", газета на осет. языке, в номере от 30-VII-1936 пишет:

„В Садоне по реализации и укреплении национальных кадров не работают в достаточной степени ни партийные, ни профессиональные, ни хозяйственные организации. Это видно хотя бы из того, что из 1111 рабочих Садона только 400 националов, или 36 процентов. Даже в 1930 году рабочих-националов было гораздо больше (40·5 процентов).

Такое положение существует и в цехах: в ОРС имеется 103 рабочих, из которых только 36 националов. Совсем непростительно положение на шахте им. Кирова 1-го участка, где нет ни одного осетина. Был там один осетин-рабочий, Царыккаты Рамазан, но и его десятники шахты, Петр Трифонов, Николай Яковлев и Николай Ткаченко, прогнали, говоря: „нам осетины не нужны"... Начальник шахты им. „Артема" Сергеев никогда не говорит с рабочими-осетинами спокойным голосом, называет их „непонятливыми", называет их „баранами". Еще более безобразно ведет себя начальник областного разведывательного отдела Боев. Он всячески старается, чтобы количество осетин рабочих все более и более уменьшалось. Он, вот уже в продолжении года, не хочет принять на работу жителя Садона Бесолты Сосланбека, искусного шофера, садонца Габысты Гала, опытного машиниста электровоза, и других, им подобных"...

Обширная корреспонденция перечисляет еще целый ряд фактов, аналогичных приведенным, взывая, чтобы всех, „кто разрушает дело коренизации" подвергнуть „строгой ответственности". Конечно, подобные призывы дадут не большие результаты, чем до сих пор; северокавказские рабочие будут находиться в своей стране в положении париев до того момента, пока Боевы и Ткаченко не будут изгнаны бесповоротно из пределов Северного Кавказа.

ТЕРРОР И КОНТРТЕРРОР

В 1933 году недалеко от аула Ахки-Юрт отрядом милиции был убит некто Беслан Холухоев, обвиняемый в „бандитизме". Родственники убитого, в числе которых находились жители аула Ахки-Юрт Тембулат Местоев и Алаудин Султыгов, решили отомстить за убийство фамилии Оздоевых, один из членов которой руководил в критический день отрядом милиции. Продолжение этой трагедии, возможной только в условиях неволи, разыгралось текущим летом в Терк-Кала. Вот как это описывает газ. „Прол. Осетии":

„17 июня за чугуным мостом Тембулат Местоев и Алаудин Султыгов встретили брата Оздоева—Хадыса. В Хадыса Оздоева убийцы пустили в упор четыре пули и бросились бежать. Через несколько минут участковый инспектор третьего отделения милиции догнал убийц и предложил им остановиться. В ответ посыпались пули. Завязалась перестрелка. В результате перестрелки Султыгов был убит. Местоев задержан".

Конечно, кровь, пролитая 16 июля, вызовет новое кровопролитие, начало которому было положено горцом-милиционером, находящимся на вражеской службе.

* * *

В „Бак. раб." от 12-VII-1936 сообщается, что 10 июля „при исполнении служебных обязанностей от руки классового врага" погибли Али Гейдар Гусейнов, начальник управления эксплоатации азводхоза, и Аршак Петросян, шофер.

ОСЕТИНСКИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ МУЗЕЙ

В „Прол. Осетии" некий Лурье дает следующее описание недавно открытого в Терк-Кала Осетинского литературного музея:

„В первой комнате документы, карты, дарственные грамоты князьям на землю иллюстрируют историю колонизации Кавказа царским правительством, начиная

с Петра I. Дальше—история восстания (?) Шамиля, изображения его самого и его приближенных. Вся история борьбы горцев за свою независимость дана в красноречивых выдержках из переписки царских чиновников, в фотографиях.

Это — вводный отдел. Следующая витрина посвящена уже литературе. Первый писатель-осетин Ялгузидзе, писавший по-грузински, первая осетинская азбука, затем церковно-миссионерская литература. Первый поэт-осетин, писавший на родном языке, Темирбулат Мамсуров. Книги Всеволода Миллера об осетинском фольклоре.

Литературный музей, открытый в те дни, когда вся Осетия отмечала 30-летие смерти своего народного поэта Коста, посвящен в основном ему. Социально-экономические условия Осетии во времена Коста. Детство его на фоне нищего горского быта. Годы учебы в духовной семинарии в Ставрополе (Ворошиловск). (Коста учился в Ставропольской гимназии, а не в духовной семинарии — Р-ция). Коста—борец за освобождение порабощенных горцев, его столкновения с чиновничеством и с губернатором—генералом Кахановым. Поэт в ссылке.

В следующей комнате Коста выступает уже как первый осетинский живописец. Здесь собраны все его картины и светского и духовного содержания, собраны и кое-какие мемуарные материалы о Коста, как живописце.

В музее хранятся все произведения Коста, все критические отзывы о нем, начиная с 1904 года. Он предстает, как народный поэт—основоположник осетинской литературы и создатель осетинского литературного языка.

В последней комнате собрано все лучшее, что дала осетинская литература после смерти Коста; показаны ее большие достижения за последние годы.

За короткое время существования музея, его посетило уже несколько тысяч человек; некоторые приходили по нескольку раз. И не удивительно: музей представляет большой интерес.

Между тем он далеко не полон. Литература после Коста показана недостаточно, большая работа после октябрьского периода по собиранию осетинского фольклора почти вовсе не отражена. Научно-исследовательский институт Северной Осетии многое сделал для изучения творчества таких писателей, как Бритаев, Цомак и Сека Гадиевы и т. д., но в музее это не отражено, — нет места. Его нехватает даже для надлежащего хранения рукописей, а не то что для обстоятельной, исчерпывающей экспозиции всех экспонатов. Музей не имеет возможности даже поместить все экспонаты в витрины, под стекло, и многие просто висят вдоль стен на веревочке.

В таких трудных условиях находится единственный национальный литературный музей на Северном Кавказе. Музей может дать много больше того, что он дает сейчас, если эти условия изменятся к лучшему".

НОВЫЕ СОВЕТСКИЕ ИЗДАНИЯ

По сообщению газ. „С.-К. больш.", издательство „Академия" выпускает сборник кабардинского фольклора в русском переводе. Размер сборника 30 печатных листов. Он будет выпущен к 15-летию образования Каб.-Балк. авт. области.

Художественные переводы стихов сделаны поэтами Андреем Глоба, Валентиной Дынник, Михаилом Зенкевичем, Верой Звягинцевой и Львом Остроумовым.

Поэты-переводчики при составлении сборника, якобы, „поставили перед собой задачу максимального приближения переводов к национальной художественной форме: сохранение образов, ритмов и композиции".

В сборнике — статья по истории кабардинского фольклора научного сотрудника института национальной культуры Кабардино-Балкарии, доцента М. Г. Талпа.

Художница Т. С. Анисимова, много лет изучавшая кабардинскую природу и быт, дала 12 вкладных иллюстраций для сборника.

Если принять во внимание, что собранные и обработанные неким Максимовым адыгейские сказки, изданные в русском переводе под тем же названием („Адыгейские сказки") в прошлом году, подверглись специальному подбору и существенным искажениям в духе правящей идеологии, то едва ли лучших результатов следует ожидать и от выхода сборника кабардинского фольклора, тем более, что составлению сборника патронирует известный среди северокавказских коммунистов оппортунист Бетал Калмыков, секретарь обкома ВКП(б).

* * *

Та же газета сообщает, что Северо-Кавказский лингвистический институт имени Кирова подготовил к печати несколько научных сборников по вопросам истории языка и литературы народов Северного Кавказа.

Некоторые книги написаны на темы, разработанные впервые: „О развитии и научной разработке яфетических языков",— Мещанинова; „О словообразовании в аварском языке" и „Ахвахские сказки"—Жиркова; „Абазины и абазинские диалекты"—проф. Сердюченко; „Об аварских глаголах"—Бокарева и др.

Фамилии авторов этих „научных сборников", принадлежащие известным руссификаторам-лингвистам, красноречиво свидетельствуют о характере сборников.

* * *

Из ростовской газ. „Молот" узнаем, что Адыгейский научно-исследовательский институт (находится ныне в гор. Майкопе, новом центре Адыг. авт. обл.) собрал и подготовил к печати около 200 национальных народных песен.

РАСКОПКА СТАРИННОГО УКРЕПЛЕНИЯ В ДАРЬЯЛЬСКОМ УЩЕЛЬЕ

Советский журнал „Наука и техника" пишет:

„Всем туристам, побывавшим на Северном Кавказе, известно знаменитое Дарьяльское ущелие, где шумно пробивает свои воды река Терек. В этом ущелие находится укрепление, которое впервые в 1935 году было подвержено археологическим раскопкам. При раскопках вскрыты были очень интересные остатки жилых сооружений, которые искусно сложены из грубо оббитого камня, а в некоторых местах кладка скреплена цементирующим раствором. При раскопках обнаружены остатки самых разнообразных предметов материального быта, среди которых в особенности многочисленны кости животных, фрагменты керамической посуды и целые стекляные сосуды. Рядом с Дарьяльским укреплением расположились другие оборонительные укрепления, которые в целом составляют интересный комплекс фортификационной техники.

На основании находок, сделанных в самом Дарьяльском укреплении и в его районе, можно установить хронологическую дату IX—X в в. нашей эры. Таким образом, весь комплекс относится как-раз к эпохе феодализма, когда отдельные феодалы кавкасских племен вели частые войны с соседними феодалами и отсиживались в своих замках, построенных на неприступных скалах и укреплениях высокими стенами".

К этому следует добавить что, вопреки ходячему мнению, спопуляризированному Лермонтовым в „Демоне", развалины старинного укрепления в Дарьяле отнюдь не принадлежат „замку царицы Тамары". Когда то это укрепление занималось осетинскими военными отрядами, собирающими от проезжих „ельджий-хай" — плату за право проезда (от турецкого „ёл"—дорога). Во времена царицы Тамары, мужем коей был, как известно, осетинский царевич Давид — Сослан, укрепление занималось грузинским отрядом с аналогичными функциями

ГОРОДА СЕВЕРНОГО КАВКАЗА ПОД ВЛАСТЬЮ СОВЕТОВ

В одном из прошлых номеров нами была заимствована корреспонденция из „Сев.-Кавк. больш.", рисующая порядки гостиницы „Бристоль", единственной гостиницы краевого центра — гор. Псыхуабе. Ныне знакомим читателей с порядками, царящими в Суюндж-Кала — городе, насчитывающим уже свыше 200 тыс. населения и являющимся одним из крупнейших промышленных центров СССР. Вот как опи-

сывает эти порядки корреспондент все того же „Сев.-Кавк. больш.":

„Грозный — город большого хозяйственного, политического значения. Грозный—город нефти. За последние несколько лет он стал неузнаваем, похорошел. Его украсили красивые здания. На его территории выросли новые заводы. По улицам проложены трамвайные линии. Выросли люди Грозного. Многие из них стали знатнейшими людьми страны. Грозный — столица Чечено-Ингушской автономной области.

Но досадные мелочи засоряют грозненский городской быт. Вползают в жизнь грозненцев и как будто бы издеваются над живыми людьми

* * *

В городе три гостиницы. Одна из них уже давным-давно служит домом приезжих и общежитием работников треста Грознефти. Это самая приличная „гостиница" в городе. Но она недоступна для командированных. Остальные две гостиницы тоже заселяют, так называемые, постоянные жильцы. По коридорам первой коммунальной гостиницы несется „тонкий" запах всевозможных жарких и „благозвучное" шипение многочисленных примусов. В одном из коридорчиков глазам гостиничного обывателя открывается уютный „пейзаж" — густое переплетение веревок, на которых живописно расположены мокрые пеленки, трусики, панталоны и все прочие принадлежности мужского и женского туалета. Большинству командированных в Грозный приходится ночевать на вокзале или проводить лунные ночи прямо на улице.

Городской совет неоднократно выносил грозное решение о выселении из гостиниц постоянных жильцов. Но уж так повелось, что председатель городского совета и члены президиума, подписав очередное решение, той же самой рукой пишут отношение директорам гостиниц с требованием предоставить комнаты на постоянное жительство той или иной „важной персоне".

Ваш корреспондент оказался в числе тех счастливцев, которым достался номер в первой коммунальной гостинице. Но это счастье было недолговечно. Маленький номер носил на себе печать вопиющей запущенности. В номере этом есть веснущатое зеркало, в котором человеческое лицо и на лицо не похоже. Есть стол, покрытый неопределенного цвета скатертью. На столе на предмет озеленения—куцый, давно неполивавшийся цветок. И наконец—грязная, смятая постель.

Зато номер солнечный. Спастись от солнца невозможно, занавесок в гостинице не полагается.

— Принимайте солнечные ванны, — советует директор гостиницы Садаев.

Дежурная гостиницы — одна на 43 номера — хмурая женщина, в грязном синем халате, с половой тряпкой в руке, с руками, вымазанными в мазуте. Этими руками она делает все: и убирает номера, и моет полы в уборной, и носит мазут, и стелет вам „белоснежное белье" на постель.

Через несколько минут после вашего пребывания в номере, вы обнаруживаете, что белое одеяло становится черным, простыня посерела, полотенце покрылось родимыми пятнами, да и ваше лицо интенсивно принимает черную окраску.

Гостиничное начальство спокойно об'ясняет:

— Рядом с гостиницей помещается типография, а от каждой типографии должна быть сажа, сажа летит в окно, садится вам на лицо — и вообще в этом ничего особенного нет.

— И вообще не привередничайте, гражданин. Пойдите в умывальник и вымойтесь. Вот и все, а нечего скандал заводить, — вразумляет вас хмурая дежурная.

Что ж, покорно бредем туда, где умывальник. Здесь можно задохнуться от смрада и грязи. Вода, щедро разлитая по полу, подходит вам по щиколотку.

Руководители гостиницы — люди солидные, зря слов на ветер бросать не будут, они предлагают вам, если не нравится, убираться вон. Жильцов на очереди много.

* * *

Есть в Грозном телефон. Судя по всему, грозненские телефонистки — народ чрезвычайно веселый. Вы просите номер 13-16, вам дают номер 28-37. Вы просите № 28-37, вам дают № 11-15. Если вы пробуете, извинившись, почтительно попросить телефонистку работать лучше, она не пожалеет для вас самого резкого слова, которое имеется в ее лексиконе.

Если, наконец, вы пожелаете поговорить по телефону с вокзалом, вас чистосердечно предупредят:

— Все равно не дождетесь. К вокзалу одна линия. Всех желающих не удовлетворить. Поезжайте лучше на вокзал трамваем. Не отрывайте зря телефонистку от работы.

* * *

В выходной день грозненский почтамт „полуработает". В этот день почти все окошки закрыты. Даже переводы принимают и сдают только до двенадцати часов. Сберкасса не работает, бюро жалоб не работает, заведующего почтамтом нет, заместителя его нет. Зав. отделами нет. Есть ответственный дежурный — безответственный человек. Но и в будничные дни на почтамте не лучше. Около окон выстраивается длинная ругливая очередь. Перепалка с работниками почтамта продолжается весь день. Особенно дерзки работники почтамта, если около окна показывается человек малограмотный, бедно одетый.

— Будьте добры, помогите мне написать телеграмму, — обращается к телеграфистке Даниловой старушка-колхозница.

— Некогда, не пишем телеграмм, — отвечает телеграфистка, которой в это время было, буквально, нечего делать.

Жалобную книгу ни на почте, ни на телеграфе не дадут. Фамилию работницы разузнать невозможно. Попросите заведующего, получите ответ, что он ушел. Заместитель? Тоже ушел. К старшему рекомендуется пройти со двора. Во двор вход по пропускам. Окно выдачи пропусков закрывается в четыре часа.

* * *

Есть в Грозном кафе-закусочные, рестораны, столовые. Но кафе-закусочные Чечено-Ингушского молокосбыта в обеденный час закрываются „на обед". В „Кавказском ресторане" в это время могут предложить только шашлык. В третьем ресторане Урса Грознефти есть лишь холодные консервы и колбаса. Здесь нет даже чая. Хлеб везде черствый. Говорят, в городе бывают перебои с доставкой хлеба.

* * *

Городской совет считает ниже своего достоинства заниматься всеми этими „мелочами". Со своей олимпийской высоты председатель городского совета не замечает всего этого мусора, засоряющего замечательную жизнь замечательного города нефтяников. Впрочем, и сам горсовет представляет собой образец грязи и неряшливости. Мрачное, грязное здание. Такой же вестибюль. В вестибюле валяется кем-то оставленная батарея парового отопления. О ней забыли. Она лежит здесь давно, покрытая густым слоем пыли, путается под ногами у проходящих. Стены комнат серые от грязи, столы не убраны. Стол дежурного покрыт ободранной газетой.

Вод откуда традиции неряшливости, разгильдяйства".

Но, оказывается, порядки, введенные большевиками, всюду одинаковы. Об этом говорит нижеследующая корреспонденция из ростовского „Молота", напечатанная газетой почти одновременно с только что цитированной:

„В майкопском ресторане произошел недавно любопытный случай. Посетитель, повидимому, приезжий, попросил подать ему стакан чая. Такового в ресторане не оказалось.

— Чаю,—раз'яснила официантка,—вы во всем городе не найдете. И не ищите.

Посетитель оказался предусмотрительным. Через несколько минут он вернулся в ресторан с дорожным термосом. Спросив себе стакан, он открыл термос.

Но перед столиком вдруг появилась бдительная фигура официантки. Тоном, каким обычно уличают преступника, она произнесла:

— Гражданин, это у нас не полагается.

— Что именно?—не понял посетитель.

— Пить свой чай.

— Тогда подайте мне ваш,— попытался сострить посетитель.

Курьезно, но лишь после долгих об'яснений с директором ресторана посетитель, наконец, получил благосклонное разрешение отведать напиток, неожиданно попавший в опалу майкопских работников общественного питания.

Впрочем потребители столь популярного напитка наткнутся на трудности не только в Майкопе. Попытайтесь спросить стакан чая в любом ресторане Туапсе, Краснодара или Новочеркасска. Его не окажется. Официант, пренебрежительно смерив вас с ног до головы и не удостоив даже ответом, пойдет к другим столикам. В лучшем случае вам преподнесут чуть теплую мутноватую водицу.

В ресторане Тихорецкого вокзала, большого и многолюдного, вы ни за что не добьетесь, чтобы получить чай без сахара. Здесь варят чай „в общем котле" и как бы ни были различны вкусы многочисленных пассажиров, они должны довольствоваться единственным вкусом—вкусом повара.

Попытайтесь спросить в новочеркасском ресторане черное кофе без молока. Вам с изысканной вежливостью раз'яснят, что при всем желании сделать этого невозможно. Кофе варится в общем котле...

К сожалению, все это не мелочи, о которых не следует говорить резко и серьезно. Достаточно присмотреться повнимательнее к работе подавляющего большинства наших общественных столовых, ресторанов, кафе, и обнаруживается очень много фактов некультурности, неповоротливости, нежелания считаться с элементарнейшими запросами трудящихся.

Общественные столовые, услугами которых пользуется все большее количество трудящихся, получили исключительно благоприятные условия для того, чтобы работать культурно. Но как часто еще бывает, в столовых и ресторанах отличные продукты не приготовляются, а портятся.

Ростовский вокзал заслуженно считается образцовым. Здесь для удобства пассажиров сделано многое. Но спросите себе обед и вам принесут, вместо горячего супа, тепловатую похлебку, вместо бифштекса — кусок застывшего мяса на холодной тарелке с засохшими макаронами.

В Новочеркасске редким посетителям удается получить в ресторане суп или борщ. Их готовят ровно столько, чтобы можно было вписать в меню пару лишних блюд. Дело в том, что ресторану гораздо выгоднее готовить сравнительно дорогие „порционные" блюда.

Не так давно в новочеркасском баре „Азчербродпрома" решили продавать не только пиво, но и сосиски. Однако, вместо горячих сосисок, которые так быстро входят в меню самых широких слоев трудящихся, здесь сосиски мелко крошат в холодном виде на глубокую тарелку и подают со стандартной порцией хлеба.

По приказу наркомвнуторга СССР общественные столовые обязаны предоставлять своим посетителям минимальный ассортимент блюд. Но в ростовских ресторанах и кафе, за очень небольшим исключением, обязательный ассортимент проставляется только в карточке-меню. В действительности, многих блюд либо вовсе не приготовляют, либо приготовляют в мизерном количестве.

Слишком мало еще в работе общественных столовых элементарнейшей культурности, чистоты.

В ресторане Майкопа, о котором уже шла речь, даже заготовлена казенная стандартная фраза, пользуясь которой, его работники отвергают самые неприхотливые требования своих посетителей.

— Дайте, пожалуйста, меню.

— Не полагается, гражданин. Идите к кассе, там вывешено.

— Подайте мне черного хлеба.

— Не полагается. Есть только белый.

— Дайте мне отдельно кофе и отдельно молоко.

— Этого не полагается...

Стандарт, пренебрежение к индивидуальным вкусам и запросам своих посетителей пронизывают работу системы ресторанов и кафе. Хуже всего, что с этим мирятся сами руководители общественного питания в крае, которым поверено очень ответственное дело."

Как видим, „великий" по обыкновению основательно приврал, возвещая наступление „радостной и веселой жизни".

РАЗНЫЕ ИЗВЕСТИЯ

— Перевод Нальчика в разряд „курортов всесоюзного значения" и из'ятие его из ведения местных властей, уже дает результаты. В предстоящем театральном сезоне в городе организован будет постоянный театр русской драмы. К этому следует добавить, что в Нальчике, по прежнему сохраняющим роль административного и культурного центра Каб.-Балк. авт. обл. и имеющим в числе своего постоянного населения большинство горцев (56%), постоянного национального театра нет, хотя национальный театральный ансамбль давно организован и пользуется большой популярностью.

— Советские власти запретили постановку памятника поэту Коста Хетагкаты в гор. Терк-Кала, несмотря на то, что Терк-Кала в 1933 г. об'явлен официальны центром Сев.-Осет. авт. обл. и жизнь поэта большей частью протекала в этом городе. Памятник поэту предписано поставить в маленьком и бедном переселенческом ауле Коста (переселенцы из горных районов), который совершенно случайно назван был именем поэта. Памятник поэту строится по проэкту скульптора Инала Дзантиаты. Высота его будет достигать 7 метров. Общий вид памятника—скала и на ней статуя Коста во весь рост; глубоко задумавшийся поэт опирается на выступ скалы.

— В июле Дагестан подвергся ряду стихийных бедствий. Разлившийся от чрезмерных дождей Ахты-чай разрушил в ауле Ахты несколько домов. Водой унесены несколько сотен голов скота, залиты посевы, сады, огороды. Большие опустошения причинены и градом. В одном Лакском районе погибло 1509 гектаров посевов и 1239 гектаров сенокоса. Убытки от гибели садов, полей и т. д. достигают $3^1/_2$ миллионов рублей. Утонуло также несколько десятков человек.

— В Кизлярском районе работает изыскательная партия НКПС, определяющая трассу нового железнодорожного пути: Кизляр—Астрахань. Существуют два возможных варианта строительства новой дороги. По первому варианту железная дорога пойдет от Астрахани до станции Дубовской. По второму—Астрахань будет связана с Кизляром через Черный Рынок. Проэктируемая дорога будет иметь большое стратегическое значение во время предстоящей борьбы за независимость Кавказа, т. к. уменьшит значение безводных калмыцких степей, затрудняющих доступ к границам Кавказа на северо-востоке.

— Недалеко от Геленджика найдены большие залежи лечебной грязи. Предварительные исследования показали, что грязи содержат большое количество сероводорода, углекислоты и маслянистых веществ. Грязи залегают по берегу моря на протяжении полутора километров. Глубина залежей—полметра. Они имеют черный цвет и резкий запах сероводорота.

— Заместителем председателя совета народных комиссаров ССР Грузии, вместо Г. Курулишвили, назначен Н. С. Ильюшин. При такой „коренизации", видимо, „спокойнее".

— В Карачае среди служащих местных судебных органов имеется несколько женщин-горянок. Помощником областного прокурора состоит Зоя Текеева. Джуриат Эркенова является заместителем председателя областного суда. Народным судьей 1-го участка состоит Залихат Эркенова.

— В районе Беляги-дона в Северной Осетии обнаружено 30 мощных оловянных жил с большим содержанием олова. Разведки показали, что Северный Кавказ может стать одной из основных баз по добыче олова.

— В Дагестане (Дербент) строится мастерская изделий из гагата. Гагат—разновидность каменного угля, легко поддающаяся обработке. Мастерская будет вырабатывать чернильницы, мундштуки, портсигары, брошки и т. п. Сырьевая база находится в Табасаранском районе.

— Уже приступлено к переводу краевых учреждений „Северо-Кавказского края" из Псыхуабе в Терк-Кала, новую столицу края. В ближайщем будущем будет переведен в Терк-Кала аппарат крайлеспромсоюза.

„Сурхохинское дело"

Так назван был советской печатью процесс, происходивший в июле т. г. в Назрани, на котором рассматривалось дело ряда ответственных работников Назрановского района и аула Сурх-хохи. Судились исключительно работники северокавказской национальности: Чербижев — б. секретарь райкома ВКП (б), Осканов — б. председатель райисполкома, Алмазов—б. райпрокурор, братья и отец Гагиевы— б. ответственные работники в ауле Сурх-хохи, и др. Все они обвинялись в организовании подрывной антисоветской работы, в умышленном развале колхозного строительства, в нахождении в числе последователей „контрреволюционной секты Кунта Хаджи" и т. д.

Процесс продолжался 8 дней, вскрыв весьма показательные детали, характеризующие быт северокавказского аула под властью советов.

Оказывается, в северокавказском ауле мюридические общины до сих пор пользуются большим распространением. В частности, в ауле Сурх-хохи была значительная группа последователей шейха Батал Хаджи. После ее разгрома, в ауле утвердились последователи шейха Кунта Хаджи, одного из героев восстания 1877—78 г. г.

Обвиняемый П. Гагиев был руководителем этой последней группы. Согласно определению корреспондента „Грозн. раб.",*) он „начал приспосабливаться к новым условиям". В 1931 г. с помощью сыновей Алихана и Або он организовал в ауле колхоз „Путь к социализму", председателем которого стал Алихан, проникший в партию. Потом Алихан стал председателем аулсовета, а Або — председателем колхоза.

В 1935 году, говорит тот же корреспондент, „позиция кулаков Гагиевых укрепилась еще больше", ибо секретарем райкома ВКП (б) стал их ближайщий родственник Чербижев, который „говорил, что Або и Алихан лучшие работники". Одновременно с назначением Чербижева, в аул уполномоченным райкома прибыл „приятель Чербижева" Вагап Акиев, а парторгом территориальной парторганизации назначили „подкулачника" Бекхана Астиева.

В результате, Гагиевы „превратили аул в свою вотчину." Они ввели „незаконный налог" по 14 рублей со двора (на бедных, сборы в пользу которых натурой запрещены сов. властью), взыскивали сельхозналог „с нарушением классового принципа".

В школу проникли сыновья шейха Белхороева. Детей они „воспитывали против советской власти". В мечети „регулярно собиралить остатки из секты Батал Хаджи и секта Кунта Хаджи". Мало того, — „муллы и остатки секты Батал Хаджи и секта Кунта Хаджи открыто вели агитацию против советской власти, открыто собирали для этой цели собрания". Гагиевы умышленно препятствовали переходу колхозов аула на устав сельско-хозяйственной артели (более „высшая" форма коллективизации), сохраняя устав „тоз'ов" — товариществ по совместной обработке земли. За 1935 год хищнически убито 184 головы разного скота, а за все время „хозяйничания контрреволюционной группы" количество поголовья лошадей в колхозах аула уменьшилось на 549 штук.

Против всех этих „безобразий" руководители района не вели никакой борьбы. Наоборот, „Чербижев, Осканов и двугие назначали в колхозы, сельсоветы и кооперативы своих людей — врагов народа: бывших кулаков, мулл, воров и жуликов". Ставленники руководителей района „вводили свои законы, нарушая законы советской власти и сталинский устав сельскохозяйственной артели".

За исключением колхозов аула Сурх-хохи, почти все колхозы других аулов района перешли на устав сельско-хозяйственных артелей, но „переход происходил формально".

Картина суда рисуется корреснондентом следующим образом:

„Бывший секретарь назрановского райкома ВКП(б) Чербижев заявляет суду, что он недоучел серьезности момента... Бывший председатель районного исполкома Осканов ведет себя на судебном заседании вызывающе... Бывший народный следователь Пашабеков, скрывавший свою национальность и турецкое подданство,*) заявляет суду, что он глухой и немой. Медицинская экспертиза разоблачает симуляцию этого преступника".

Как видим, атмосфера процесса довольно существенно отличалась от атмосферы на процессах русских „вредителей", на которых обычно господствуют „покаянные настроения" и безграничное падение чувства собственного достоинства.

Следует еще вспомнить о характеристике, данной на суде прокурору района Алмазову. Отец Алмазова был, оказывается, „одним из руководителей секты Кунта Хаджи" и „владельцем крупного кулацкого хозяйства". „Отец имел влияние на своего сынка"—говорит корреспондент, приводя, эти данные об Алмазове.

Приговор был сравнительно мягкий. Никто из подсудимых к смертной казни не был присужден, хотя долголетнее заключение в советской тюрьме фактически равняется смертному приговору. Возможно, что „мягкость" суда вызвана опасением возмущения, которое в народе могла вызвать казнь влиятельных людей.

Приговор сводится к следующему: Чербижев, Осканов, Пашабеков и один из Гагиевых (имя не указывается) осуждены на 7 лет лишения свободы каждый, Муталиев - на 6 лет, Акиев и Астиев - по 5 лет, остальные (всех подсудимых было 17 чел.)— на меньшие сроки.

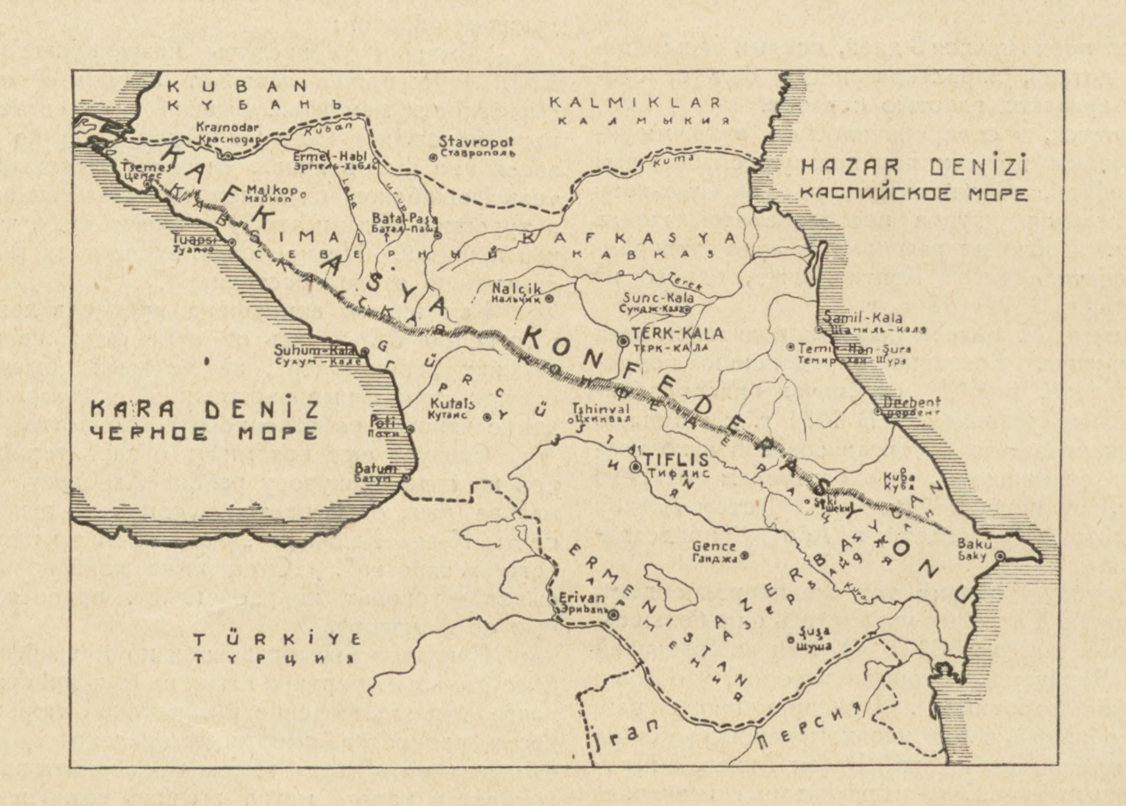
Таким образом, процесс в Назрани еще раз выявил, что коммунистическая и советская идеология не есть органическим явлением на Северном Кавказе и что с этой идеологией народ борется не только оружием, но и путем организации самообороны, используя легальные формы советской жизни.

Дауд.

---

*) №№ газеты от 14, 16 и 18 июля 1936 года.

*) Пашабеков—б. старый эмигрант, возвратившийся на родину. Это подчеркивание советским корреспонд. турецкого подданства Пашабекова, обретшего вновь родину отцов, показательно как для общей характеристики советского „интернационализма", так и отношения русских колонизаторов к проблеме возвращения нашей старой эмиграции.



Mecmuanın müdürü: BARASBİ BAYTUGAN — Редактор журнала: БАРАСБИ БАЙТУГАН

Müdürün adresi — **Odyńca 35, Warszawa (12), Pologne** — Адрес редактора

Mecmua idarehanesinin adresi — 1, Square Léon Guillot, Paris (15), France — Адрес администрации журнала

DRUK. P. SZWEDE. WARECKA 9. TEL. [illegible]